И. С. ФЕНДЕЛЬ

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА 1914—1918 гг.

ОГИЗ • СОЦЭКГИЗ
1934

И. С. ФЕНДЕЛЬ

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА 1914—1918 гг.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1934 МОСКВА

Брошюра И. С. Фенделя излагает историю возникновения, ход и итоги мировой войны 1914—1918 гг. Автор вскрывает пружины империалистических противоречий и предательскую роль социал-демократии. Наряду с этим автор раскрывает политику империалистов, направленную к подготовке новой войны, в первую очередь — против Советского Союза. Книга рассчитана на широкие слои читателей.

К 20-ЛЕТИЮ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

20 лет тому назад, 28 июля 1914 г., Австро-Венгрия объявила войну Сербии и открыла против нее военные действия. Через несколько дней в войну вступили крупнейшие государства Европы — Германия, Россия, Франция, Англия, и в скором времени война охватила почти весь земной шар. Война, начавшаяся на небольшом участке Балканского полуострова, вскоре превратилась в мировую войну. Миллионам людей памятна эта небывалая по своему размеру, кровопролитности и разрушительному действию война. Она принесла трудящимся массам величайшие бедствия и разорение. Десятки миллионов людей были уничтожены, искалечены. Неизмеримое количество ценностей, созданных трудом миллионов в течение ряда поколений, было развеяно в прах. Прошло двадцать лет с начала этой войны, продолжавшейся 4 года (1914 — 1918 гг.). Еще не залечены раны, нанесенные ею, еще живо поколение, прошедшее через ужасы и бедствия этой войны, а мы стоим уже на пороге новой войны. Об этом неопровержимо говорят многочисленные факты, которыми пестрят ежедневно столбцы газет; факты всеобщего лихорадочного вооружения капиталистических стран, бешеной гонки вооружений; открытые воинственные заявления государственных деятелей ряда стран, особенно усердно и откровенно рвущихся к войне (Германия, Япония), крах Женевской конференции по разоружению; то противодействие, которое встретило предложение т. Литвинова от имени СССР о превращении

конференции по разоружению в постоянную конференцию мира.

«Дело явным образом идет к войне», — сказал т. Сталин на XVII съезде партии, подробно разобрав международное положение. Но если раньше наше большевистское предупреждение о близости новой войны встречалось в буржуазном мире насмешками, то сейчас отделываться насмешками уже нельзя. И буржуазный мир вынужден признать опасность войны. Эта опасная война настолько близка, что и отдельные группы буржуазии, незаинтересованные в развязке войны в данный момент, вынуждены признать и в известной мере поддерживать ту борьбу за мир, которую последовательно ведет СССР.

Воспоминание о мировой войне 1914 г. связывается в наши дни с угрозой новой мировой войны, которая, как это всем понятно, обещает быть еще более ужасной, еще более опустошительной. Военная техника, средства разрушения и истребления за протекшее двадцатилетие шагнули далеко вперед — танки, авиация, газы, действие которых в первую мировую войну только намечалось, сейчас стали главным и чрезвычайно могущественным истребительным оружием.

И как нельзя более современно, злободневно звучат в наши дни высказывания т. Ленина, относящиеся еще к 1921 г. В своей статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» т. Ленин подчеркивает то исключительное место, которое стал занимать с 1914 г. вопрос об империалистической войне в мировой политике, в жизни миллионов людей. Этот вопрос, говорит т. Ленин, «стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара». «Это вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей. Это вопрос о том, будет ли в следующей, на наших глазах подготовляемой буржуазией, на наших глазах вырастающей из капитализма империалистической войне перебито 20 млн человек (вместо 10 млн убитых в войне 1914 — 1918 гг.), будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм) грядущей войне искалечено 60 млн (вместо искалеченых в 1914 — 1918 гг. 30 млн)».

Так как эта война была прервана пролетарской революцией (в октябре 1917 г.) лишь на одной шестой части земного шара, где создалась страна Советов, а во всем остальном мире еще сохранился капитализм, угроза новой войны не исчезает во все годы после окончания первой мировой войны. Империалистическая, т. е. грабительская и захватническая война 1914 г. закончилась для стран, где сохранился капитализм, таким же империалистическим, грабительским миром (Версальский мир), источником новых противоречий, новых раздоров и новых войн.

Так создалось положение, которое изображено Лениным в 1921 г. и остается в полной силе и для наших дней: «И все яснее и отчетливее, все неотвратимее встает перед миллионами и миллионами думающих о причинах вчерашней войны и о надвигающейся завтрашней войне грозная правда: нельзя вырваться из империалистической войны и из порождающего ее неизбежно империалистского мира... нельзя вырваться из этого ада иначе, как большевистской борьбой и большевистской революцией».

«Из империалистической войны, из империалистского мира вырвала первую сотню миллионов людей на земле первая большевистская революция. Следующие вырвут из таких войн и из такого мира все человечество».

Вопросы «завтрашней» войны и «вчерашней» (1914 г.), вопросы первой большевистской революции (1917) и следующих большевистских революций теснейшим образом между собою связаны. Двадцатилетие 1914—1934 гг.— это путь от первого тура войн и революций (1914—1923 гг.) до второго тура революций и войн, на пороге которого мы стоим. Этот путь должен представить себе каждый трудящийся, особенно в наши дни перед лицом непосредственной угрозы новой мировой войны.

ИМПЕРИАЛИЗМ, ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

Война 1914 — 1918 гг. была первой мировой империалистической войной, но не первой империалистической войной вообще. Империалистические войны начались вместе с эпохой империализма, т. е. с конца XIX и начала XX столетия, и первыми империалистическими войнами были Испано-американская 1898 г. и Англо-бурская 1899 — 1902 гг. Вслед за ними последовали, если считать наиболее крупные войны, Русско-японская 1904—1905 гг., Балканские 1912 — 13 гг. и, наконец как «венец» этого периода эпохи империализма и империалистических войн — мировая война 1914 — 1918 гг.

В чем же особенность империалистических войн, чем они отличаются от другого вида войн? Мы знаем революционные войны пролетариата против буржуазии, войны крестьян против помещиков, угнетенных наций против угнетающих, войны колониальных народов против угнетающих и грабящих их государств, национально-освободительные войны. Когда буржуазия была еще молодым, подымающимся классом, она боролась против феодального, помещичьего крепостнического строя и вела, наряду с захватническими, грабительскими войнами, прогрессивные, революционные, национально-освободительные и объединительные войны. Это было в эпоху 1789 — 1870 гг. За ней начался переход к новой эпохе в развитии капитализма, к империализму, когда капитализм стал реакционным, задерживающим развитие производительных сил, «умирающим», а вместе с тем и буржуазия из класса, в свое время прогрессивного, передового, борю-

щегося с крепостничеством, превратилась в класс реакционный, контр-революционный, борющийся против нового революционного класса — пролетариата.

Новая эпоха стала сугубо и по преимуществу военной эпохой. Изменился и самый характер войн.

Это связано с самой сущностью эпохи империализма, наступившей с конца XIX и начала XX столетия. К этому времени выявились новые черты в развитии капитализма. Основное и главное это то, что капитализм стал монополистическим. Если раньше преобладала свободная конкуренция многочисленных отдельных, разрозненных капиталистических предприятий фабрикантов и заводчиков, а банки играли роль собирателей свободных капиталов и кредитовали предпринимателей, не вмешиваясь в производство, то к концу XIX и началу XX ст., в результате концентрации и централизации капиталов и производства, создалось новое положение. Сосредоточение производства на крупнейших предприятиях (за счет средних и мелких) привело к созданию крупных капиталистических союзов, объединений (картелей, синдикатов, трестов), занявших в производстве и на рынке, в силу своего могущества, наличия огромных капиталов и других преимуществ, исключительное, привиллегированное, господствующее, т. е. монопольное положение; то же произошло и с банками — распоряжение огромными капиталами перешло в руки небольшого числа мощных банков, причем банковский капитал сросся с монополистическим промышленным капиталом (финансовый капитал). Создалось таким образом господство монополии во всем общественном производстве небольшой группы капиталистов, финансовой олигархии (олигархия — греческое слово, означающее «власть немногих»). В руках этой финансовой олигархии сосредоточилась огромная экономическая сила (огромные капиталы, предприятия, источники сырья), а вместе с ней и общественная политическая сила. Именно эта группа все больше и больше начала определять своим влиянием направление деятельности буржуазных государств, правительств, парламентов, силою денег, властью золота сметая всякое сопротивление. (Об этой

«роли и влиянии» финансовой олигархии очень живо и сильно рассказано в романе Джека Лондона «Железная пята»).

Значит ли это, что капитализм в эту новую эпоху своего развития стал «организованным», что закончилась свойственная капитализму анархия производства, что монополии создали плановость, организованность в капиталистическом хозяйстве? Отнюдь нет! Наряду с монополиями осталась конкуренция — и притом еще более свирепая, ожесточенная — конкуренция монополий со «свободными» или «дикими» предприятиями (т. е. теми, которые еще не вошли в тот или другой капиталистический союз); конкуренция отдельных союзов между собой в национальном масштабе и в международном. Сущность империализма и неизбежность империалистических войн тесно связаны и с другой важнейшей чертой — с тем фактом, что в новую эпоху вывоз (экспорт) капитала играет огромную роль наряду с вывозом товаров. В результате усиливающегося обнищания масс при повышении монополиями цен и сужения, в связи с этим, внутреннего рынка, отставания сельского хозяйства от промышленности, в империалистических странах создается как бы «излишек» капитала, который стремится туда, где возможно его применение и получение сверхприбыли (т. е. прибыли выше обычной). Это достигается вывозом капитала в страны, где дешевы рабочая сила и сырье, что создает возможность получения сверхприбыли. Отсюда усиливающееся тяготение капиталистических стран к подчинению себе, захвату в монопольное (исключительное) владение возможно большего количества территорий, в частности — отсталых стран, богатых дешевой рабочей силой и сырьем и являющихся выгодными рынками сбыта.

К концу XIX и началу XX столетия раздел мира между крупнейшими капиталистическими странами в основном закончился, причем в силу неравномерного развития отдельных стран они пришли к концу раздела мира с неравными результатами. Так, в 1899 г. Англия имела колониальные владения площадью в 9,3 млн кв. миль

(309 млн населения), Франция — 3,7 млн кв. миль (56,4 млн населения), Германия — 1 млн кв. миль (14,7 млн населения).

К 1914 г. две трети земного шара и больше половины населения земного шара оказались в той или иной зависимости от крупных капиталистических государств.

Горстка капиталистов небольшой группы стран экономически и политически господствует над всем миром, угнетает и эксплоатирует сотни миллионов людей. Ленин эту новую стадию в развитии капитализма, наступившую с конца XIX столетия, назвал «империализм» (по-латински «империум» означает «власть», «господство»). Ленин считал, что основным, наиболее характерным признаком современного капитализма является всепроникающее господство монополий.

Стремление к монопольному владению рынками сбыта, источниками сырья, рынками вывоза капитала прямиком ведет к империалистическим войнам. Грабительские, захватнические войны финансового капитала за передел мира, за монопольное право эксплоатации, удушения и угнетения миллионов людей, за мировое господство становятся основным способом разрешения капиталистических противоречий. В империалистическую эпоху, эпоху законченного уже раздела мира, эпоху господства монополий — другого способа для разрешения споров о сферах влияния, рынках, кроме силы, т. е. войны, в распоряжении капиталистического мира не имеется. «При капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы... Нельзя делить иначе, как по «силе». А сила изменяется с ходом экономического развития» (*Ленин*). Война, разрешение противоречий силой оружия, становится для капиталистов в эпоху империализма тем более неизбежной, что в эту эпоху неравномерность развития отдельных стран усиливается в огромной степени. Если например отсутствие у Германии колоний при огромном их изобилии у Англии в 80 — 90 гг. не могло послужить причиной войны между ними, то в период 1900 — 1914 гг. усиление неравномерности развития этих стран (упадок промышленности Англии, огромное раз-

витие ее в Германии, появление избыточного капитала в Германии и т. п.) стало основой борьбы, которая привела к войне между этими странами.

Но империалистические войны, как это следует из самого их происхождения, не могут не стремиться стать *мировыми* войнами — вопрос ведь в них стоит именно о *переделе мира*. Отсюда вытекает и то, что они становятся войнами коалиций, т. е. союзов империалистических стран, войнами одной группы империалистических держав против другой.

Вместе с тем исключительные, небывалые размеры приобретает в эпоху империализма развитие милитаризма. Рост постоянных и резервных армий, рост вооружений сухопутных, морских и воздушных, империалистическая агитация и пропаганда, рост и обострение международных конфликтов — характеризуют собою империалистическую эпоху. Империалистическая эпоха — это эпоха перезрелого капитализма, загнивающего, тормозящего развитие производительных сил. Вместе с тем это эпоха политической реакции. В ожесточенной конкурентной борьбе за мировой рынок монополистический капитал, в целях усиления своей конкурентной способности, идет по линии нажима на рабочий класс. Подкармливая крохами незначительную верхушку рабочего класса, так называемую рабочую аристократию, монополистический капитал нажимает на широкие массы рабочих, снижая зарплату, увеличивая рабочий день, беспощадно расправляясь с революционными элементами рабочего класса. Бремя милитаризма, налогов, наступление капитала усиливает революционную тенденцию в рабочем движении. Усиливается борьба между оппортунистами, соглашателями, базой которых является рабочая аристократия, и революционными элементами, отражающими интересы широких масс. Через оппортунистические элементы буржуазия пытается разложить рабочие организации, сделать их орудием своей политики, и, что особенно важно для нее в эпоху сугубо военную, пытается сделать их орудием политики империализма, подготовки войны и обеспечения благонадежного тыла.

Против рабочего класса составляется единый фронт всех фракций буржуазии вкупе с крупными землевладельцами-помещиками, вкупе с кулачеством, верхушкой буржуазной интеллигенции и слоями городской мелкой буржуазии, втянутыми в колесницу отечественного империализма. В предвоенные годы 1911—1914 мы в ряде стран имеем огромный подъем рабочего революционного движения, ряд всеобщих стачек; пришли в движение сотни миллионов угнетенных колоний и полуколоний (революции в Персии, Турции, Китае, движение в Индии).

В войне монополистический капитал пытается найти средство не только в борьбе за передел мира, но и в борьбе с нарастающей угрозой пролетарской революции.

Война 1914—1918 гг. обманула все надежды и планы мировой буржуазии. Она положила начало общему кризису капитализма. Она открыла собою первый тур империалистических войн. Но она же ускорила, облегчила приход и победу пролетарской революции в России, начало эры пролетарских революций во всем мире.

Каково происхождение мировой войны 1914 г. и каков характер этой войны? Почему она должна быть характеризована как империалистическая война? Эти два вопроса — о происхождении и характере войны тесно связаны между собою.

Маркс и Ленин учили, что оценивать войну надо, исходя из того, из-за чего война ведется и какими классами она подготовлялась и направлялась. «Война есть продолжение политики иными средствами» — это значит, как разъясняет Ленин, что «всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот же самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия».

Войны Франции в эпоху ее Великой революции в конце XVIII столетия были революционными, так как они были продолжением политики революционного класса, и велись они за укрепление революционной Франции против

монархической Европы. И даже войны Наполеона, в той мере, в какой они еще продолжали эту политику укрепления Франции, освободившейся от феодализма, против феодальной Европы, оказывали революционное влияние, потрясая феодальный строй в европейских странах. В этом была и сила Наполеона и секрет его успехов. По мере того, как он все больше отдалялся от революции и ее политики, войны его приобретали все более захватнический характер и победы стали сменяться поражениями, вплоть до окончательного краха.

Если мы с этой единственно правильной точки зрения подойдем к оценке войны 1914—1918 гг., то увидим, что она является типично империалистической, вытекающей из империалистической политики империалистической буржуазии. Вся политика крупнейших капиталистических государств, руководителей войны 1914 г., как подчеркивает Ленин, «в течение целого ряда десятилетий состояла в непрерывном экономическом соперничестве из-за того, как господствовать над всем миром, как душить маленькие народности, как обеспечить себе тройные и десятерные прибыли банковского капитала, захватившего весь мир в цепь своего влияния» *(Ленин)*.

В самом деле. Что мы наблюдаем в истории международных отношений за четыре десятилетия до мировой войны, со времени франко-прусской войны 1870—1871 гг.? До конца XIX и начала XX столетия идет раздел мира между основными капиталистическими странами. Каждая старается прибрать к рукам, подчинить своему экономическому и политическому влиянию возможно больше территорий, обеспечить себе мировые пути, проливы, важные стратегические узлы. На этой почве возникают враждебные отношения, конфликты, угроза войны, но до войны между капиталистическими странами дело все же не доходит. Земля еще велика и обильна, еще есть что делить, и поэтому побеждают мирные отношения. Но мир этот весьма относительный. На самом деле и в эту «мирную» эпоху война идет по всему земному шару, льется кровь, но это «малые» войны капиталистических стран против народов Азии, Африки, против сотен мил-

лионов трудящихся так называемых «нецивилизованных» стран (на самом же деле против стран с древнейшей культурой, колыбели всей так называемой европейской цивилизации — Египта, Китая, Индии и т. д.)

«В Европе господствовал мир, но он держался потому, что господство европейских народов над сотнями миллионов жителей колоний осуществлялось только постоянными, непрерывными, никогда не прекращавшимися войнами, которые мы, европейцы, не считаем войнами, потому что они слишком часто похожи были не на войны, а на самое зверское избиение, истребление безоружных народов» *(Ленин)*.

Любая из крупных и даже не очень крупных капиталистических стран вела такие войны. То, что обычно называлось «занятием», «присоединением», «объявлением протектората» и т. п., было на самом деле такой «малой» войной (часто с очень «большой» кровью).

Франция «занимает» в 1881 г. Тунис (Сев. Африка), в 1883—1885 гг. — война с Китаем за Тонкин; в 1885 г. устанавливается протекторат над Мадагаскаром (в 1896 г.— его присоединение); в 1891 г. — «присоединение» Таити; в 80 и 90-е гг. Франция ведет упорные войны с негритянскими королевствами (Нигерия и др.), подчиняя их себе. В Судане Франция в 1898 г. столкнулась (у Фашоды) с англичанами. Англия ведет в 1877 г. войну с Афганистаном; проникает в Южную Африку; в 1882 г. оккупирует Египет; в 1886 г. — «покорение» Бирмы. В 1895 г. — набег Джемсона — авантюриста, вдохновляемого английскими империалистами, на бурскую республику в Южной Африке и т. д.

Италия ведет с 1887 г. по 1889 г. войну с Абиссинией. Германия в 1884—1885 гг. объявляет протекторат над Верхней Гвинеей, устьем Нигера, Ангра—Пекеной, Маршальскими островами, Занзибаром; в 1888—1890 гг. Германия подавляет восстание в Африканских колониях, в 1897 г. занимает Киао-Чао (Китай).

Россия в 1873 г. завоевывает Хиву, — в 1876 г. — Кокандское ханство, в 1877 г. ведет войну с Турцией (война за «освобождение братьев-христиан» от турецкого ига,

на самом деле — за Константинополь и проливы); в 1885 г. — война с Афганистаном; в 1887 г. — присоединение территории между Аму-Дарьей и Мургабом; в 1896 г. — занятие Порт-Артура.

С конца XIX и начала XX столетия земной шар оказывается уже в основном разделенным. Но этот раздел не соответствует новому соотношению сил. «Старый дележ» определялся до сих пор положением Англии, Франции, России — это положение дало им в итоге лучшие, наиболее лакомые куски при разделе. А между тем экономически выдвинулись на первый план новые капиталистические страны — «новая, еще более хищническая разбойничья группа капиталистов», пришедшая, по выражению Ленина, «к столу капиталистических яств, когда места были заняты».

Вопрос о переделе мира стал на очередь дня. В этом направлении как непосредственное и прямое продолжение политики предыдущих десятилетий грабежа и захвата развивается политика капиталистических стран с конца XIX и начала XX столетия; она развивается, следовательно, в сторону мировой войны за передел земного шара соответственно новому соотношению сил, сложившемуся к этому времени. Основными главными противниками в этом переделе мира оказались Англия и Германия. Именно противоречия между Англией и Германией стали узлом международной политики с начала XX столетия до мировой войны. Именно Англия и Германия стали организаторами и руководителями тех двух союзов, блоков империалистических стран, которые и столкнулись в войне 1914 г. Англия — как самая сильная из старых капиталистических стран всячески охраняла старые завоевания и позиции от малейшего покушения на них, от малейшей попытки пересмотра ее прав и привиллегий в мировом господстве. Англия договаривается с другой старой крупной колониальной страной — Францией о разделе сфер влияния (соглашение с Францией в 1904 г., по которому Англия обязалась не мешать Франции в Марокко, а Франция Англии — в Египте). Она также договаривается в 1907 г. с Россией (после разгрома ее Японией в

1904—1905 гг. и потери ею флота при Цусиме) за счет Персии и Тибета. Создается таким образом тройственное согласие (Антанта) под руководством Англии, направленное против главного соперника в борьбе за мировое господство — против Германии. Германия — молодой империалистический разбойник, пришедший в разделе мира к шапочному разбору, на каждом шагу своего движения повсюду сталкивавшийся с Англией, — Германия стала душою борьбы за передел мира.

Тов. Ленин так определяет в своей замечательной лекции «Война и революция», прочитанной им 27 мая 1917 г., взаимоотношения, создавшиеся к началу XX столетия между Англией и Германией: «Старый дележ основывался на том, что Англия в течение нескольких сот лет разорила своих прежних конкурентов. Ее прежним конкурентом была Голландия, которая господствовала над всем светом, ее прежним конкурентом была Франция, которая вела войны из-за господства около ста лет. Путем долгих войн Англия утвердила, на основе своей экономической силы, силы своего торгового капитала, свое неоспоримое нигде господство над миром. Появился новый хищник, создалась в 1871 г. новая капиталистическая держава, развившаяся неизмеримо более быстро, чем Англия. Это основной факт. Вы не найдете ни одной книги по экономической истории, которая не признавала бы этого бесспорного факта — более быстрого развития Германии. Это быстрое развитие капитализма Германии было развитием молодого и сильного хищника, который появился в союзе европейских держав и сказал: «Вы разорили Голландию, вы разбили Францию, вы взяли пол-мира в свои руки, — потрудитесь нам дать соответствующую долю».

Разрешение спора о мировом господстве между Англией и Германией силой оружия было неизбежно. Война 1914 г. была «вызвана неизбежно тем развитием гигантски-крупного капитализма, особенно банкового, которое привело к тому, что каких-нибудь четыре банка в Берлине и пять или шесть в Лондоне господствуют над всем миром, забирают себе все средства, подкрепляют

свою финансовую политику всей вооруженной силой и, наконец, столкнулись в неслыханно-зверской схватке из-за того, что дальше итти свободно захватным порядком некуда. Либо один должен отказаться от владения своими колониями, либо другой. Такие вопросы в этом мире капиталистов не решаются добровольно. Это может быть решено только войной» (*Ленин*).

Суть дела именно и заключается в том, что к концу XIX и началу XX столетия финансовому капиталу «свободно захватным порядком» двигаться уже некуда было; все ценное как источники сырья, как рынок сбыта, как сфера приложения капитала для получения сверхприбыли было уже поделено, захвачено; и дальше двигаться можно было лишь за счет другого, т. е. отбросив конкурента, отняв у него его колонии, его сферы влияния.

Следует ли полагать, что вопрос о переделе мира ставила только Германия, а Англия лишь хотела защищать старое положение вещей? Так думать было бы неверно. Нет сомнения, что именно Германия особенно усердно и настойчиво заявляла о том, что она требует «равного места под солнцем», требует от Англии и других несколько потесниться. Именно Германия особенно громко бряцала оружием, вооружалась особенно усердно и шумно, чем очень облегчала Англии и ее союзникам, антантовским дипломатам, *обработку* общественного мнения в пользу Антанты, против Германии; Антанта изображалась невинным ягненком и оплотом мира против германского волка. Но невинный английский ягненок, как известно, не переставал проливать кровь в Индии, Египте, всюду, где ни ступала нога англичанина. Захватив пол мира и охраняя свою добычу от покушений Германии, Англия отнюдь не была противником нового передела в свою пользу за счет Франции в Африке, России — в Персии, Афганистане, Тибете, за счет империалистических интересов всех — в Китае и т. д., и т. п. И Англия, и Франция, и Россия, и Германия сцепились за раздел и передел Турции, за господство над Константинополем и Дарданеллами. Интересы всех империалистических стран были противоречивы. В 1898 г. Франция столкнулась с Англией в

Фашоде и дело чуть не дошло до войны. Примирение двух колониальных разбойников в 1904 г. не могло не быть временным, но примирение состоялось перед лицом общего врага — Германии, которая угрожала обоим. Противоречия между Англией и Францией не исчезли, они проявлялись и во время войны и полностью вновь обнаружились после войны, после поражения общего врага — Германии. Россия и Англия были давнишними врагами — на границах Индии, у Константинополя и проливов, на Дальнем Востоке. Но в целях подготовки союза против Германии, Англия, после того как посодействовала Японии разгромить Россию, помогла России при заключении Портсмутского мира, и, сделав кое-какие уступки за счет Персии и Тибета, вовлекла ее в Антанту.

Вовлечению России в Антанту содействовала и Франция, союзник России с 1892—1894 гг., своими капиталами много содейстовавшая развитию русского империализма и его движению на Дальний Восток. Включение России в Антанту, несмотря на родственную близость царских дворов России и Германии, на сильные германофильские настроения в помещичьих кругах, было вызвано и противоречиями России с Австро-Венгрией, союзницей Германии, на Балканах, и усилением влияния Германии в Турции, что мешало планам России насчет Константинополя и проливов. В основном, преобладающее влияние англо-французского капитала над германским в России определило ее позиции — на стороне Англии против Германии.

У Франции были противоречия с Германией не только по линии колониальных интересов (особенно резко они столкнулись в Марокко, из-за чего война чуть не вспыхнула в 1904 и в 1911 гг.), но и в самой Европе. В 1871 г. Германия захватила у Франции Эльзас-Лотарингию, богатую железною рудой. Идея реванша, отместки за поражение 1871 г. была очень жива во Франции и ее усилению способствовали французские империалисты, с вожделением смотревшие на рурский уголь (угля своего Франции не хватало). С начала XX столетия, когда Германия начала строить флот с явным намерением довести его до

уровня английского, когда проект постройки Германией Багдадской железной дороги явно указывал на стремление Германии поближе подойти к «святая святых» английских империалистов — к ее владениям в Азии, к Индии, — вопрос о подготовке войны против Германии был для Англии в основном решен. Англия начала организацию антигерманского блока, для чего она, как уже указано было, пошла на временное примирение с Францией и с Россией и к 1907 г. этот блок сорганизовала. С этого времени идет лихорадочная подготовка войны. Устанавливается тесная связь не только между дипломатами Англии, Франции и России, но и между военными штабами этих стран. С другой стороны, и Германия вместе со своим союзником Австро-Венгрией усиленно готовится к неминуемой схватке.

Короткий отрезок времени с конца XIX и начала XX столетия до 1914 г. наполнен войнами и конфликтами, показывающими огромное обострение противоречий между капиталистическими странами.

В 1898 г., в год, когда чуть не разгорелась война между Францией и Англией (встреча у Фашоды), Соединенные штаты Америки начали войну с Испанией. Молодая империалистическая страна США, до сих пор ограничивавшаяся огромным внутренним рынком, начала свой выход на мировую арену захватом у старой колониальной державы (но отсталой и слабой) — Испании — о-вов Кубы, Порто-Рико и Гаити в Караибском море у Панамского перешейка (для обеспечения монопольного господства над строющимся Панамским каналом) и Филиппинских островов (в Тихом океане, близ берегов Азии).

Характерно, что этот империалистский захват был проведен под флагом борьбы за «независимость» Кубы и Филиппин, за освобождение их от испанского ига. Использовав против Испании кубинских и филиппинских революционеров, борцов за подлинную независимость, американские империалисты силой подавили революционное движение и навязали Кубе и Филиппинам зависимость от США.

Англо-бурская война 1899—1901 гг., во время которой

мощный английский империализм в течение нескольких лет преодолевал сопротивление двух маленьких голландских республик в Южной Африке (Трансвааля и Оранжевой, кстати говоря, в свою очередь немилосердно эксплоатировавших туземцев), выявила уже противоречие между Англией и Германией. Еще раньше в 1896 г. сочувственная телеграмма Вильгельма II бурскому президенту Крюгеру вызвала у английских империалистов бурю негодования. В конечном итоге, потеряв 50 тыс. человек убитыми и ранеными и 250 млн фунтов стерлингов, Англия округлила свои Южно-Африканские владения, включив в них обе бурские республики и преградив путь в Южную Африку Германии.

В 1900 г. мы имеем общий поход империалистических держав против Китая; в 1904 г. — войну Англии с Тибетом, в 1904—1905 гг. — войну Германии против африканского племени Гереро. В 1904 — 1905 гг. — первый конфликт Франции и Германии из-за Марокко.

В 1904—1905 гг. — Русско-японская война — крупная империалистическая война двух сильных держав из-за господства в Китае. В 1908 г. — новое обострение марокканского конфликта, аннексия Австрией Боснии и Герцоговины (предвестник столкновения Австрии и Сербии, послужившего поводом к войне 1914 г.). Агадирский инцидент 1911 г. (когда, под предлогом подавления восстания туземцев, Франция заняла Фец (в Марокко), а Германия в ответ послала в Агадир канонерку «Пантера» — якобы на защиту германских подданных) вызвал недвусмысленную угрозу войны со стороны Англии. Устами либерального министра Ллойд-Джорджа (речь 21 июля 1911 г.) было сказано: «Если создается такая обстановка, что мир может быть сохранен только отказом Британии от великого и благодетельного положения, достигнутого ею веками героизма и подвигов, допущением третирования Британии там, где ее интересы жизненно затронуты, словно она не имеет значения в семье народов, тогда я торжественно говорю, что мир, купленный такой ценою, явился бы унижением, невыносимым для такой великой страны, как наша».

Положение вещей было весьма напряженным. Русский посол сообщал, что «еще один шаг и разразилась бы война между Англией и Германией в результате франко-германской распри».

Войны не произошло; Германия на сей раз отступила.

Италия тем временем сочла удобным начать войну против Турции и отняла у нее Триполи.

Ослабление Турции создало условия для выступления в 1912 г. Сербии, Черногории и Болгарии против Турции (первая Балканская война).

Смысл этой войны, с точки зрения общих международных отношений, заключался, по мнению М. Н. Покровского, в том, чтобы «отрезать Турцию от Германии коалицией дружественных Антанте балканских держав».

Но не успела кончиться первая балканская война (Турция была разгромлена молниеносно — в две недели), как возгорелась борьба за добычу между победителями — вторая Балканская война 1913 г. Здесь Румыния, Сербия, Греция объединились против Болгарии, от которой отняли часть добычи, захваченной ею у Турции.

Балканские войны уже были непосредственными предвестниками мировой войны. Пока выступали только второстепенные актеры, главные еще не были готовы. Но основные силы были расставлены, почва была накалена и недоставало лишь повода для того, чтобы пожар разгорелся. Во всех странах были группы буржуазии, которые хотели бы оттянуть неизбежную схватку, но были и такие, которые стремились скорее ее начать. Военнопромышленные короли (Круппы, Армстронги, Шнейдеры и пр.), наживавшие бешеные деньги от вооружений и рассчитывавшие на еще большую наживу во время войны, определенные круги крупных военных поставщиков и военных деятелей — торопили события, раздувая сведения о военных приготовлениях враждебных стран и замалчивая о своих, разжигая шовинистические, националистические страсти. Идеологическая подготовка войны, обработка населения в патриотическо-воинственном духе шла во всех странах. Государство, церковь, школа, газеты неутомимо, настойчиво вбивали изо-дня в день в головы

ненависть к чужим народам, страх перед нашествием врага, вбивали в головы, что грядущая война будет справедливой войной за правду, добро, чье-либо освобождение и т. д., и т. п.

В Англии особенно усердно распространялась мысль о великом призвании англичан распространять культуру среди диких колониальных народов, о великой британской демократии, защитнице всех угнетенных народов, защитнице международных постановлений и нейтралитета Бельгии и Швейцарии.

Во Франции особенно искусно раздували идеи защиты республики, родины революций, свободы и демократии.

Россия, эта страна самодержавия, «тюрьма народов», и та твердила о своем призвании защищать православных христиан, славян и т. п.

В Германии воспевалась особо высокая культурность немецкого народа, его призвание насаждать высшую немецкую культуру среди «низших» народов; «Германия, Германия превыше всего», — эта идея также настойчиво внедрялась всевозможными способами.

Одновременно во всех странах разжигались страсти против враждебных стран. Во Франции напоминали об обидах 1871 г. и требовали реванша.

В Англии много говорили о насилии Германии над Польшей, умалчивая об английских «подвигах» в Индии, Египте, Ирландии.

В Германии высмеивали «нацию торгашей» Англию, захватившую пол-мира, не оставившую места под солнцем для Германии.

Словом, делалось все возможное, чтобы оправдать, прикрасить грядущую империалистическую захватническую войну за передел мира.

В этой обстановке всеобщего вооружения, натянутых международных отношений, шовинистической агитации и пропаганды — в г. Сараеве (Босния), в глухом уголку Балканского полуострова, произошло событие, которое послужило поводом для развязки мировой войны.

За месяц до этого события полковник Хаус, ближайший друг американского президента Вильсона, его пове-

ренный по международным делам, прекрасно осведомленный, писал Вильсону:

«Положение чрезвычайно напряженное. Это совершенно безумная милитаристская гонка. Только кто-либо действующий от вашего имени, может добиться взаимного понимания, иначе наступит день, когда разразится ужасная катастрофа. Никто в Европе не может это сделать. Здесь слишком много вражды и слишком много взаимной подозрительности. Как только Англия даст на это свое согласие, Франция и Россия схватятся с Германией и Австрией. Англия не желает совершенно раздавить Германию, потому что ей тогда пришлось бы в одиночку посчитаться со своим старым врагом Россией; но если Германия будет настаивать на непрерывном увеличении своего флота, тогда у Англии не будет выбора. Лучшим шансом для мира явилось бы соглашение между Англией и Германией относительно морских вооружений, однако, для нас слишком большая близость этих двух держав представляет известные невыгоды.»

28-го июня 1914 г. в г. Сараево были убиты австрийский престолонаследник эрцгерцог Фердинанд и его жена, прибывшие в связи с австрийскими маневрами в Боснию. Участники убийства были два молодых серба, члены сербской националистической организации, типографский рабочий Габринович и гимназист Принцип. Это было несомненно провокационное убийство, подготовленное военной партией Сербии, вдохновляемой русским генеральным штабом и русским посланником в Сербии — Гартвигом. Маленькая Сербия не пошла бы на столкновение с могущественной по сравнению с ней Австро-Венгрией, если бы она не чувствовала за плечами мощной поддержки России. Выстрел в Сараеве оказался сигналом к мировой войне. Силы, стоявшие за войну, использовали все, чтобы привести в движение годами готовившийся механизм войны. Столкновение между Австро-Венгрией и Сербией, неизбежное после сараевского убийства, после австрийского ультиматума (23 июля), крайне унизительного для Сербии, не могло быть локализировано, т. е. не могло ограничиться толькой войной Сербии

с Австро-Венгрией. Каждая из них была теснейшим образом связана с одной из империалистических групп, годами готовившихся к войне и ждавших удобного предлога. Если Россия и империалистические круги Франции подкрепляли волю Сербии к сопротивлению обещанием поддержки (и не только обещаниями, — так например, — 7 июля Россия снабдила Сербию 120 тысячами винтовок и 120 млн патронов), то и Германия всячески разжигала аппетиты Австрии. Известно, что Вильгельм II усердно советовал Австрии предъявить Сербии такие требования, чтобы «ссора была готова». Австрия последовала этому совету, ссора оказалась готова — 28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну и открыла против нее военные действия. Но дальше пьеса разыгралась не по германским, а по антантовским нотам. Несмотря на то, что предшествовавшее десятилетие очень ярко свидетельствовало о руководящей и организующей роли именно Англии в противодействии германским планам, заправилы германской политики, в частности и особенно сам Вильгельм II, в сложившейся летом 1914 г. обстановке не считали вероятным вступление в войну Англии из-за конфликта с Сербией. Надо отметить, что целым рядом весьма хитроумных приемов Англия как раз в последние годы перед войной (1912—1914 гг.) сумела создать в Германии такое представление о позиции Англии.

Так, в 1912 г. миссия английского военного министра Холдена в Германию, хотя и не привела к договоренности по коренному вопросу о морском строительстве (Англия настаивала на том, что в отношении флота она не может никому уступить первенства и требовала сокращения морских вооружений Германии), но создала убеждение в возможности договориться в экономических, колониальных вопросах. И в последние дни перед войной, еще 9 июля, английский мининдел сэр Эдуард Грей уверял германского посла Лихновского, что Англия никаких обязательств на себя по отношению к другим странам не брала, что Англия постарается примирить Россию с Австрией и т. д. В Германии тем более тешили себя надеж-

дой на невмешательство Англии, что как раз в это время у Англии были весьма натянутые отношения с Россией из-за Персии. 29 июля Лихновский сообщил о более откровенных речах Грея, говорившего, что «не может быть и речи о вмешательстве, пока в войну не вовлечены Германия и Франция, но если британское правительство усмотрит, что британские интересы заставляют вмешаться, то правительство сейчас же вмешается, и его решение будет таким же быстрым, как решение других держав». Вильгельм пришел в бешенство, кричал по поводу Грея, что эта «торгашеская сволочь пыталась нас обмануть речами и обедами» и т. д., но было уже поздно, война между Австрией и Сербией уже началась, в России уже была проведена частичная мобилизация (четырех восточных округов, Черноморского и Балтийского флота) — отступать было некуда. Машина войны развернулась во всю: 30 июля — указ об общей мобилизации в России. 31 июля Германия ультиматумом потребовала от России отмены мобилизации. 1 августа Германия объявила войну России. В тот же день мобилизовалась и Франция. 3 августа Германия ввела свои войска на территорию Бельгии и объявила войну Франции.

4 августа Англия, под предлогом защиты нейтралитета Бельгии, объявила войну Германии. 6 августа объявила войну России Австро-Венгрия, 11 августа Австро-Венгрии объявили войну Англия и Франция.

Уже в ходе войны к каждой из борющихся сторон присоединился — кто добровольно, а кто под прямым нажимом (например Греция) — ряд других стран. Отметим самое важное: на стороне Антанты выступили в 1914 г. Япония, в 1915 г. — Италия, в 1916 г. — Румыния, в 1917 г. — Китай и США. На стороне Германо-Австрийского блока в 1914 г. — Турция, в 1915 г. — Болгария.

К моменту заключения мира на стороне Антанты оказалось несколько десятков государств (из них ряд мелких, вроде Гаити и Сан-Доминго).

Так началась мировая война 1914 г., продолжавшаяся до 1918 г. Кто был виновником ее? Англия или Германия? Франция или Австрия? и т. д., и т. п. По этой линии

ищут ответа буржуазные историки, обосновывая тем или другим ответом справедливость или несправедливость грабительского Версальского мира. Единственно правильный ответ дает на это Ленин. В упомянутой уже лекции «О войне и революции» (1917 г.) Ленин говорит: «Смешно обвинять того или другого коронованного разбойника. Они все одинаковы — эти коронованные разбойники. Вот почему так нелепо обвинять капиталистов той или другой страны. Они виноваты только в том, что завели такую систему. Но так делается по всем законам, охраняемым всеми силами цивилизованного государства. Я в полном моем праве, я покупаю акции. Все суды, вся полиция, вся постоянная армия и все флоты на свете охраняют это мое священное право на акции. Если создаются банки, которые ворочают сотнями миллионов рублей, если они накинули сети банковского грабежа на весь мир, если эти банки столкнулись в мертвой схватке, кто виноват? Ищи виноватого! Виновато в этом все развитие капитализма за полвека и нет выхода из этого, кроме свержения господства капиталистов и рабочей революции».

Все крупные капиталистические страны, участники войны, в течение десятилетий вели сначала грабительский раздел мира, затем они столкнулись в борьбе за передел его. Из грабительской войны «коронованных разбойников» за передел добычи не могло выйти другого мира, кроме грабительского Версальского мира, навязанного победителями побежденным.

Перед рабочим классом, перед трудящимися вопрос о виновниках войны мог стоять лишь так: виновны капиталисты всех стран, виновен капитализм в целом. Вывод — нужно свергнуть власть капиталистов, надо уничтожить капиталистический строй. Только тогда больше не будет войн. Но для этого нужна, неизбежна, неотвратима другая, но единственная справедливая война — гражданская война, пролетарская революция. Нужно превратить империалистическую войну в гражданскую, иначе не может быть иного мира, кроме империалистического, т. е. основанного на грабеже и насилии, мира, из которого неизбежно вытекает новая империалистическая война, за

новый передел мира — и так ужасы войны без конца. Вот то, чему учили большевики перед лицом разразившейся войны, указывая массам единственный реальный, действительный выход.

Для одной шестой части света, благодаря руководству партии большевиков, этот выход осуществился. Что получили империалисты в итоге первой мировой империалистической войны? «Они получили разгром капитализма в России, победу пролетарской революции в России и — ясное дело — Советский Союз!» *(Сталин).*

ОБЩИЙ ХОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—18 гг.

Ожесточенность, продолжительность мировой войны определялись не только мощным вооружением обеих сторон, не только многочисленностью втянутых в бойню людей, но, прежде всего, целями войны. Действительные цели войны были совсем другие, чем те, о которых заявлялось правительствами разных стран при объявлении войны (освобождение угнетенных, защита демократии, оскорбленного отечества, защита нейтралитета Бельгии и т. д., и т. п.).

В действительности, как это видно из ряда документов, особенно из тех, которые вскрыла Октябрьская революция в архивах царского правительства, — цели войны сводились: — для Англии — к уничтожению Германии как морской державы и соперника на Востоке; для Франции — к устранению Германии как соперника ее претензиям на гегемонию в Европе; для России — к разгрому Австро-Венгрии, господству на Балканах и в Черном море; для Германии — к гегемонии в Европе и возможности соперничества с Англией на морях и на Востоке.

Ход военных действий.

Первый месяц войны прошел под знаком мощного наступления германских войск на Западном фронте против французской армии, согласно плану Шлиффена, видоизмененному германским начгенштаба Мольтке-младшим. План этот заключался в том, чтобы быстро, до сосредоточения русских сил, разгромить Францию, перебросить затем все силы на Восточный фронт и разгромить Россию.

Несмотря на некоторую задержку в Бельгии, германские войска в общем успешно осуществляли свое насту-

пление и в начале сентября 1914 г., после поражений, нанесенных французской и английской армиям, достигли реки Марны. Но здесь французы и англичане сумели задержаться и 6 сентября перейти в контрнаступление. Германцы вынуждены были отойти на линии реки Эн, где и закрепились. Обе стороны зарылись в окопы и перешли к позиционной войне. План Шлиффена таким образом рухнул. Молниеносный разгром Франции не удался. Русские войска успели тем временем сконцентрироваться и 17 августа в составе двух армий Ренненкампфа перешли границы Восточной Пруссии, угрожая уничтожением VIII германской армии. Полная бездарность русских генералов, слабая подготовка русских войск привели однако к совершенно обратным результатам: 26—29 августа в районе Таненберг-Сольдау была совершенно разгромлена II армия (Самсонова).

Зато больших успехов достигла русская армия в боях с австрийцами. 33-дневная «галицийская битва» закончилась поражением австро-венгерских войск, их отступлением на реку Сан. Русские взяли Львов. Новая попытка русских вторгнуться в Германию, в ответ на германское наступление (Ивангород — варшавская операция), не удалась. В течение 1914 года Сербия сумела после упорных боев отбросить наступавшие австро-венгерские войска за Дунай и Саву.

В ноябре 1914 г. на стороне Германии выступила Турция.

1915 г. на западном фронте прошел в позиционной войне. Союзники еще не были настолько сильны, чтобы перейти в решительное наступление против немцев. (Это показали попытки прорыва германских позиций при Артуа и Шампани во Франции). Немцы решили перенести удар на Восток, рассчитывая вынудить Россию к сепаратному миру, чтобы затем сосредоточить силы на решающем судьбы войны фронте — западном. Здесь в России им действительно удалось добиться больших, но не решающих успехов. К осени 1915 г. русские войска вынуждены были оставить и Галицию и Польшу, но живая сила русской армии не была уничтожена. Турецкое наступление против царской армии кончилось неудачей. На Итало-

австрийском фронте, образовавшемся после вступления в мае 1915 г. Италии в войну на стороне Антанты, очень быстро перешли к позиционной войне.

Вступление в войну Болгарии определило поражение Сербии, занятие ее неприятельскими войсками и полную эвакуацию сербской армии.

Война приняла затяжной характер. Требовалась мобилизация всех рессурсов каждой воюющей страны, применение новых средств борьбы. Всюду, и особенно быстро и широко в Германии, совершается переход к «военному госкапитализму».

1916 г. ознаменовался на Западном фронте и решающем его участке — франко-англо-германском — двумя кровопролитнейшими операциями, которые стоили колоссальных жертв обеим сторонам, но в военном отношении не дали сколько-нибудь заметных сдвигов ни для одной стороны.

«Верденская мельница», начавшаяся в феврале 1916 г., стоила французам 350 тыс. чел., германцам 600 тысяч. В итоге немцам не удалось захватить Верден.

План немецкого начштаба Фалькенгайна размолоть живую силу Франции, и вывести ее из строя с тем, чтобы обрушиться потом на Англию и др., — кончился крахом.

С другой стороны, грандиозное наступление англо-французских войск у реки Соммы, предпринятое в ответ на Верденскую операцию летом 1916 г. с применением огромного количества огнеприпасов, имело весьма ничтожные военные результаты.

Истощение сил обеих сторон было огромно.

Успешное «Брусиловское наступление» в июне 1916 г. в Галицию спасло Италию от разгрома, который ей сулило австрийское наступление.

Успехи царской армии определили вступление в войну Румынии на стороне союзников. В сентябре немцам удалось разгромить румынскую армию и занять почти всю Румынию вместе с ее столицей Бухарестом.

1917 год застает все воюющие страны в тяжелом положении — повсюду истощение людских и материальных рессурсов. Рост недовольства масс, выражающийся в стачечной волне, нарастание серьезных движений в войсках

(Болгария, Россия, Франция), — все это заставляет воюющие империалистические государства искать быстрейшего окончания войны, прибегая к еще более отчаянному напряжению всех сил, нажиму на народные массы, усилению террора. «Военный госкапитализм», означающий военную каторгу для масс, в той или иной форме и мере практикуется во всех странах, приняв особенно «организованные» формы в Германии, все более задыхавшейся от блокады, которой ее подвергла Антанта. Германия, ограничиваясь на фронтах обороной, прибегает к ведению неограниченной подводной войны, которая служит поводом для подготовлявшегося еще раньше вступления США в войну — на стороне Антанты.

Из боевых действий 1917 г. особенно замечательны апрельское наступление союзников между Реймсом-Энским каналом — Кеан и так называемое июньское наступление русских армий. Апрельское наступление союзников (наступление ген. Невиля), предпринятое с огромным сосредоточением людских сил и технических средств (2 млн бойцов, 9 тыс. орудий, танки и т. д.), потерпело поражение. В французской армии, понесшей огромные человеческие жертвы, вспыхнуло весьма серьезное движение против войны, подавить которое стоило немалых усилий. Правительство, командование были немало этим движением напуганы.

Июньское наступление русских войск было явной авантюрой правительства Керенского, авантюрой по заказу антантовской буржуазии. Оно было предпринято против воли и желания массы солдат, требовавших прекращения империалистической войны, — оно потерпело поражение. Русская армия как фактор империалистической войны из строя фактически выбыла.

Русская Октябрьская революция, осуществившая лозунг — превращение империалистической войны в гражданскую, повлияла на ход военных действий таким образом, что в первую очередь была ослаблена боеспособность Антанты, но и германо-австрийский союз получил лишь временные и, как показала история, поверхностные преимущества, ибо влияние русской революции подрывало

морально-политическую силу германо-австрийских войск, занявших после Брестского мира 1918 г. Украину и Польшу. Разложение германо-австрийских войск под влиянием Октябрьской революции — факт, признанный руководителем германской армии. Братание между русскими и немцами после Брестского мира усилилось.

1918 г. оказался последним годом войны. Германо-австрийское командование перебросило значительные силы с Восточного фронта на Западный. Но соотношение сил становилось все более выгодным для фронта союзников, к которым стали прибывать и американские войска. Германцы, в целях предупреждения чрезмерного превышения сил у противника, предприняли 21 марта 1918 г. наступление на стык англо-фарнцузских войск, имея в виду уничтожить, в первую очередь, английскую армию.

Наступление сначала пошло весьма успешно, — англичане понесли сильный урон и начали подготовку к эвакуации. В Париже подумывали о переезде правительства в Бордо. Но в скором времени, путем переброски резервов, французам удалось наступление остановить.

Германское командование в апреле 1918 г. предпринимает новое наступление по реке Маас непосредственно против англичан. Опять успехи в начале, дезорганизация англичан, прибытие на помощь французов, — наступление в итоге опять не удалось.

В мае — новый и последний наступательный порыв германцев. 30 мая германцы у р. Марны. Паника в Париже. 2 июня новый командующий союзнических войск — ген. Фош, с помощью переброшенных 35 дивизий, наступление германцев приостанавливает.

В конце сентября 1918 г. в наступление по всему фронту переходят союзники, медленно выталкивающие германские войска. Общее положение германо-австрийского союза становится катастрофическим. 28 сентября капитулирует Болгария; 14 сентября — объявила согласие на сепаратный мир Австро-Венгрия, 31 октября сдалась Турция. Германия через Вильсона просила мира. 9 — 11 ноября в Германии революция. Заключается перемирие. Завершение — Версальский мир.

ИТОГИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

Четырехлетняя мировая война, поставившая под оружие десятки миллионов людей, потребовавшая величайшего напряжения хозяйственных средств, вызвавшая колоссальные жертвы и бедствия масс, не могла не повлечь за собою крупнейшие последствия во всех областях жизни. Программа Коминтерна в сжатой форме так излагает влияние и последствия войны 1914 г.: «Эта война потрясла всю систему мирового капитализма и положила начало периоду его общего кризиса. Она поставила себе на службу все народное хозяйство воюющих стран, создавши бронированный кулак государственного капитализма, довела до грандиозных размеров непроизводительные затраты, уничтожила огромное количество средств производства и живой рабочей силы, разорила широкие народные массы, взвалила неисчислимые тяготы на индустриальных рабочих, крестьян, колониальные народы. Она неизбежно обострила классовую борьбу, переросшую в открытое революционное выступление масс и в гражданскую войну.»

Приведем несколько цифр, показывающих, чего стоила мировая война.

Мобилизовано было в армии и таким образом оторвано от мирного производительного труда около 70 млн людей в самом цветущем возрасте. Во Франции мобилизованные составляли 20,4% всего населения, в Англии — 10,7%, в России — 8,5%, в Италии — 15,3% в США — 3,8%, в Германии — 20%, в Австро-Венгрии — 17,5%.

Убитых и умерших от ран насчитывается свыше 9 млн, раненых — около 19 млн, инвалидов 3,5 млн.

Миллионы людей погибли от всяческих болезней и эпидемий. Из русских пленных в Австро-Германии умерло около $^{1}/_{2}$ млн.

Какие ценности производились преимущественно в годы войны, на что расходовался народный труд, на что шли ценнейшие металлы? На производство орудий истребления, на «человекоубойную» промышленность. За время войны было изготовлено (если взять только Францию, Англию, Россию и Италию) орудий — свыше 75 тыс., пулеметов — свыше 175 тыс., винтовок — 14 млн, снарядов — свыше 500 млн, патронов — свыше 20 млрд.

Ценности превращались в прах.[1]

Одна Германия израсходовала огнеприпасов стоимостью в 17 млрд марок.

В одной Сев. Франции было разрушено 500 000 зданий, 9 700 железнодорожных мостов, свыше 22 тыс. промышленных предприятий. Высчитано, что если все потери перевести на деньги, то война в общем обошлась, примерно, в 337 млрд долларов (около 675 млрд руб.). Для того чтобы яснее представить себе все значение этой цифры, укажем, что «в 120 млрд руб. оценивалось все народное богатство довоенной России, т. е. земельная собственность, угольные копи, железные рудники, золотые рудники, железные дороги, фабрики, заводы, доки, порты морские и речного флота, — короче говоря, все имущество находившееся на территории царской России, начиная с Зимнего дворца и Путиловского завода в Питере, и кончая стадами кочевников в средней Азии». Таким образом война стоила в три раза больше, чем все народное богатство довоенной России.

Если взять одни государственные расходы на войну, то они исчисляются в 187 млрд руб. золотом (34% нацио-

[1] Военная техника за время войны сделала значительные шаги вперед — и количественно и качественно. С качественной стороны важно отметить огромный рост *авиации*. Если в начале войны Англия имела 50 самолетов, Франция — 160, а Германия — 160—170, то к концу войны Англия и Франция имели по 3 тыс. самолетов, а Германия — 2700. Впервые появились *танки*. К концу войны у союзников их было свыше 2 тыс. Танки ввели впервые англичане. Германцы же впервые применили (в бою на Ипре 28 августа 1915 г.) *газы*.

нального богатства Англии, 19% Франции, 20% — Италии, 13% — России, 8,5% — США, 24% — Германии, 18% — Австро-Венгрии). Вся тяжесть этих расходов конечно ложилась на плечи трудящихся масс в форме налогов, а главным образом в форме массового выпуска бумажных денег (инфляция). Трудящиеся получали за свой труд все большее количество бумажек, ценность которых падала тем больше, чем больше их выпускали (и чем больше сокращалось производство предметов массового потребления). Русский рубль к лету 1917 г. обесценился на 63%, германская марка на $48^1/_2$%. французский франк — на 21% и даже английский фунт и американский долларов, устойчивость которых буржуазия тщательно оберегала, прибегая главным образом к налоговому покрытию расходов, — упали в ценности на $14^1/_2$ и 11,6%.

В итоге войны образовалась огромная задолженность одних государств другим, тяжесть которой до сих пор тащат на себе народы капиталистических стран. Главным кредитором к концу войны оказались Соединенные Штаты Америки. США одолжили на военные нужды около 10 млрд долларов, которые в значительной мере были потрачены должниками в самих Соединенных Штатах Америки.

Как отразилась война на промышленности и сельском хозяйстве? Само собой разумеется, что «человекоубойная» промышленность, т. е. военная, сделала большие успехи. Но важнейшие отрасли народного хозяйства потерпели значительный ущерб. Так, если сравнить 1913 и 1919 гг., то мировая продукция уменьшилась: каменного угля на 13%, чугуна — на 21%, стали — на 7,7%, меди — на 5%, свинца — на 27,3%, цинка — на 35%, хлопка — на 19%, пшеницы (без СССР) — на 5%, ржи (без СССР) — на 17,3%, картофеля — на 19%, сахара — на 15%.

Для Европы эта картина оказывается еще более печальной. Добыча каменного угля уменьшилась к 1918 г. (по сравнению с 1913 г.) на 32,2%, выплавка чугуна на 45,3%, сбор хлебов на 25% (по пшенице) и 36,3% (по ржи).

Всей тяжестью своей война, разумеется, обрушилась на широкие массы города и деревни. Высчитано, что пита-

ние во время войны в среднем уменьшилось по своей калорийности вдвое. Особенно не хватало жиров и белков. Если взять Англию, сравнительно меньше других из европейских стран пострадавшую в отношении продовольственного положения, то и здесь мы наблюдаем резкое ухудшение: среднее потребление масла уменьшилось больше чем в два раза, маргарина — в 3 раза, риса — в 3 раза, яиц — в 4 раза. Особенно тяжело было положение в Германии, которая была фактически блокирована. Здесь потребление хлеба уменьшилось больше чем в 3 раза, мяса — в 6 раз, масла в 4 раза.

Естественным последствием этого было сильное истощение, усиление заболеваемости, в частности — туберкулезом, увеличение смертности.

По сравнению с 1913 годом смертность в Германии увеличилась в 1916 г. на 14,3°/₀, в 1918 г. — на 37°/₀. Особенно тяжело отражалась война на рабочем классе. Даже буржуаные ученые статистики подтверждают, что реальная зарплата рабочих сильно пала, что прибавка быстро обесценивающимися бумажками никак не поспевала за ростом цен на средства потребления.

Положение рабочего класса резко ухудшилось еще и вследствие того, что буржуазные правительства во время войны, опираясь на предателей из профсоюзов и социалистических партий, зажали рабочий класс и все его революционные элементы в тиски военного, чрезвычайного и осадного положения, лишив его фактически не только общедемократических прав — свободы собраний, печати, но и прав свободного передвижения (например в Германии — распоряжение от 11 января 1915 г. о запрещении принимать рабочих на работу без согласия прежнего хозяина).

Германия ввела трудовую повинность, освобождая от нее «дам и господ».

Правительственный террор касался и фронта и тыла Малейшая провинность вела к тюрьме, к расстрелу.

Регулирование производства и потребления буржуазными государствами во время войны (так называемый военный государственный капитализм), вызванное необ-

ходимостью мобилизации всех средств для военных целей, очень ограничивавшее свободу, а особенно прибыли капиталистов, всей тяжестью обрушивалось на массу населения, создавая для нее, как говорил Ленин, военную каторгу.

«Америка и Германия регулируют экономическую жизнь так, чтобы рабочим (и крестьянам отчасти) создать военную каторгу, а банкирам и капиталистам рай. Их регулирование состоит в том, что рабочих «подтягивают» вплоть до голода, а капиталистам обеспечивают (тайком, реакционно-бюрократически) прибыли выше тех, какие были до войны».

И в самом деле, то обстоятельство, что в ряде стран, по мере развития войны, правительство стало все больше и глубже вмешиваться в вопросы организации производства, снабжения сырьем, распределения, означало каторгу лишь для рабочих, для широких масс. Капиталистам это вмешательство государства не мешало наживать в годину народных бедствий, обнищания, бешеные прибыли, прибыли невиданные и неслыханные до войны. Тысячи мародеров, торговцев, спекулянтов, поставщиков всякого гнилья для армии, для «бедного солдатика», тысячи «господ и дам» благотворителей наживались под громкие крики о благе родины.

Павлович в своей книге о мировой войне рассказывает о пройдохах и авантюристах, наживавших бешеные деньги на подрядах и поставках — даже не своих, а чужих товаров (перекупщики, перепродавцы). Наживой на военных поставках совершенно не стеснялись. В газетах можно было найти объявления с предложением услуг в устройстве военных поставок.

Но и «солидные» фирмы, особенно военно-промышленные преприятия, не обижали себя в работе на оборону дорогого отечества, которое действительно было для них раем. «Война ужасная вещь, говорит Ленин, но она и прибыльная вещь», прибыльная для капиталистов. Германская фирма Круппа увеличила свой доход за время войны на 14% (акционером этой фирмы был между прочим сам Вильгельм II). Германские капиталисты получили за первые

16 месяцев войны 8 млрд марок прибыли. То же и в других странах. Так называемые налоги на военную прибыль, введенные, кстати говоря, только на третьем году войны, отнимали очень немного от чудовищных военных прибылей. Чего стоил «патриотизм» буржуа во время войны, показывает тот теперь общеизвестный факт, что международные промышленные короли, деловым образом связанные между собою до войны в разделе мирового рынка предметов военного снаряжения, не прекращали отношений друг с другом и во время войны, снабжая враждебные страны через нейтральные страны. Характерен факт, что в разгар войны в 1915 г. состоялась деловая конференция английских и германских капиталистов, хозяев динамитного треста Нобеля.

Известно теперь также, что во время строжайшей блокады Германии со стороны Англии английские торговцы через Скандинавские страны успешно и, конечно, весьма прибыльно снабжали Германию растительными маслами, хлопком, чаем, кофе и т. д.

Так происходил «пир во время чумы». Никогда так бешено не наживались, так не швыряли легко нажитыми деньгами, не веселились и развратничали — кучка паразитов, спекулянтов, эксплоататоров — в то время, когда никогда так сильно не страдали, бедствовали миллионы людей.

Мировая война была величайшим кризисом. Она принесла человечеству величайшие бедствия.

Но она была вместе с тем и ускорителем исторических событий, она вскрыла гнилость капиталистического строя, его реакционность, его несовместимость с дальнейшим прогрессом, развитием человеческого общества. Она расшатала капитализм, она же создала революционную ситуацию, сплотила революционные элементы. И в этом другая сторона мировой войны, которую мы должны рассмотреть, чтобы понять, как эта война открыла собою новую эпоху — всеобщего кризиса капитализма, эпоху войн и пролетарских революций.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Империалистическая война принесла с собою нищету, разорение, упадок производительных сил.

«Разорение и обнищание, говорит Ленин, — дошло до того, что в самых передовых цивилизованных и культурных странах, в течение не только десятилетий, но и столетий не знавших, что такое голод, война довела до голода в самом подлинном, в самом буквальном значении этого слова».

Но война имела и другое влияние на экономику, на хозяйство капиталистических стран. Военные обстоятельства, как уже указано было выше, принудили капиталистические государства энергично прибегнуть к регулированию производства, к объединению, сосредоточению и укрупнению предприятий. Это укрупнение, централизация и концентрация производства под руководством капиталистического государства привели к еще большему усилению роли монополистического капитала, в народном хозяйстве при одновременном разорении массы средних и мелких предприятий.

За время войны монополистический капитализм стал превращаться в государственно-монополистический. Выявилась зрелость современного общества для перехода к плановому общественному хозяйству, но вместе с тем выявилась и неспособность капитализма создать такое хозяйство. Капитализм мог лишь создать «военную каторгу» для трудящихся масс.

«Насколько созрело современное общество для перехода в социализм, это доказала именно война, когда на-

пряжение сил народа заставило перейти к регулированию всей хозяйственной жизни свыше чем полусотни миллионов человек из одного центра. Если это возможно под руководством кучки юнкеров-дворянчиков в интересах горсточки финансовых тузов, это наверное не менее возможно под руководством сознательных рабочих в интересах девяти десятых населения, истомленного голодом и войной» (*Ленин*).

Война таким образом приблизила человечество к социализму. Война в необычной степени усилила, обострила, ускорила развитие тех революционных тенденций в рабочем движении, которые с большой силой обнаружились уже с начала эпохи империализма.

Ведь империализм несет с собою неизбежно усиление эксплоатации масс, рост дороговизны, налогов, усиление политической реакции. Война на время прервала ту революционную волну, которая довольно высоко поднялась во всех странах в годы перед войной. Очень скоро под влиянием наглядных и убедительных уроков жизни, под влиянием бедствий, вызванных войною, под влиянием революционной работы тех, кто остался верен социализму, массы начали приходить в движение, стали искать выхода из войны на путях революции. Несмотря на военно-полицейский террор, на тюрьмы и расстрелы, начала расшатываться и политическая власть капиталистов. Миллионы рабочих и крестьян были призваны под ружье. Ненависть к существующему строю распространялась все шире и глубже. Множились признаки революционного брожения в армии. Война создала таким образом революционную ситуацию. Чем дольше затягивалась война, тем ярче она выступала. На очереди дня стоял вопрос о революции и именно о революции пролетарской, социалистической—вопрос, выдвинутый эпохой империализма. Война заострила его как вопрос жизни или смерти для миллионов людей.

От чего, однако, зависело превращение возможности и необходимости пролетарской революции в действительность?

Ленин в 1915 г., устанавливая факт наличия револю-

ционной ситуации, ставил вопрос о том, приведет ли она к революции, и отвечал: «Этого мы не знаем и никто не может знать этого. Это покажет только опыт развития революционных настроений и перехода к революционным действиям передового класса — пролетариата». Вместе с тем Ленин подчеркивал и исключительную роль, принадлежащую в деле подготовки победы революции революционной партии пролетариата. «...Обязанности всех социалистов: обязанности вскрывать перед массами наличность революционной ситуации, разъяснять ее ширину и глубину, будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении».

Но как обстояло дело с этим важнейшим условием победы революции, с революционной пролетарской партией к моменту начала войны? Ответ на этот вопрос объяснит нам очень многое в дальнейшем развитии событий, объяснит, почему, вопреки воле масс, мировая война разразилась, не была предупреждена или прервана революцией, почему революционная ситуация, сложившаяся *во время* войны, перешла в победоносную пролетарскую революцию *только* в России, почему революция потерпела поражение в Германии, Австрии и Венгрии. Ответ на этот вопрос объяснит, почему империалистическая война превратилась в гражданскую лишь на одной шестой части земного шара, обеспечив ей самостоятельное социалистическое развитие, а для всего остального мира она закончилась установлением Версальской системы, источником новой войны, перед которой мы стоим в наши дни.

Уже указывалось на то, что империализм за счет своих сверхприбылей вскормил в рабочем классе тонкую, но весьма влиятельную прослойку так называемой рабочей аристократии, прослойку привиллегированной части рабочего класса, получающей наиболее высокую зарплату, лучше оплачиваемую работу на производстве. Эта прослойка раньше других организовалась в профсоюзы и постепенно захватила все руководство профсоюзным дви-

жением в свои руки (профсоюзная бюрократия). Она стала основой оппортунистического направления в рабочем движении, направления соглашательского, не желающего слышать о какой-либо революционной борьбе, о социализме, стремящегося лишь к получению дополнительных крох с барского стола, идя на соучастие с капиталистами в колониальном грабеже, в усилении эксплоатации широких масс. Так создалась агентура буржуазии в среде рабочего класса, пользуясь которой буржуазии удалось ко времени войны превратить рабочие организации, профсоюзы и социалистические партии в организации, неспособные к активной революционной борьбе. Руководство ими оказалось в руках или открытых соглашателей, провозгласивших союз с буржуазией, или, что еще хуже, в руках людей, которые в свое время оказали известные услуги рабочему движению, нажили на этом большой авторитет, а в эпоху империализма, продолжая говорить революционным языком, фактически скатились к тому же оппортунизму, прикрывая своим авторитетом и революционными фразами оппортунистические дела открытых соглашателей. 2-й Интернационал, сорганизовавшийся в 1889 году как международное объединение социалистических рабочих партий, в эпоху империализма стал превращаться в объединение партий, представлявших собою блок пролетарских и мелкобуржуазных элементов. Открытые оппортунисты представляли в составе этих партий рабочую аристократию, проводников буржуазной политики. Единственно последовательную революционно-пролетарскую партию во 2-м Интернационале представляла партия большевиков. Они, как говорит т. Сталин, были основным ядром левых во 2-м Интернационале. Левые представители западно-европейского пролетариата, как например Роза Люксембург, Клара Цеткин, Карл Либкнехт, и в германской с.-д. партии отражали настроение широких масс пролетариата, революционную тенденцию, особенно усилившуюся перед войною. Но их было сравнительно немного. Массы продолжали еще верить старым вождям, как Каутский (в Германии), Гед (во Франции), которые заняли скрыто-оппортунистическую

или так называемую центристскую позицию, т. е. позицию подчинения интересов пролетариата интересам мелкой буржуазии — позицию, прикрытую революционными фразами. Прямые ревизионисты, бернштейнианцы, т. е. сторонники взглядов германского с.-д. Бернштейна, подвергшего пересмотру («ревизии») учение Маркса, проповедывавшего мирное, постепенное врастание в социализм через сотню лет при помощи парламента, — фактически творили все, что им было угодно, не встречая достаточно сопротивления со стороны старого руководства. Слабость же западно-европейских левых состояла в том, что они, замечая оппортунистические явления и борясь с ними, вместе с тем недооценивали их опасности, считали оппортунизм наносным временным явлением, не понимая роли рабочей аристократии, и, вследствие этого, не решались на разрыв с явными и скрытыми оппортунистами. А широкие массы, доверяя левым, вместе с тем продолжали верить и центристскому руководству, поскольку левые не звали на разрыв с ними. Массы верили, что в с.-д. партии все обстоит благополучно, что их старые вожди на деле в решительный момент поведут их по революционному пути.

На самом же деле это руководство ко времени войны окончательно переродилось и, когда грянула война, когда массы ждали конкретных указаний и революционных действий, вожди сдали позиции открытым оппортунистам, изменив всем решениям, которые на съездах и конгрессах партий 2-го Интернационала и самого Интернационала принимались.

В самом деле. Вопрос о войне почти не снимался с повестки дня конгрессов 2-го Интернационала. И несмотря на то, что большинство делегатов этих конгрессов особенно в предвоенные годы уже принадлежало к открытым и скрытым оппортунистам (центристам), решения на Штутгартском и Базельском конгрессах (1907 и 1912 гг.) по вопросу о войне — были приняты революционные. Предложения небольшого числа левых, подлинных революционных социалистов по этому вопросу в основном принимались потому, что нельзя было в вопросе об

угрозе войны — империалистической — резолюции это ясно подчеркивали — итти против воли и настроения масс. Резолюция Штутгартского конгресса определенно подчеркивала империалистический характер современных войн между капиталистическими государствами, обязанность Интернационала и отдельных партий всеми мерами помешать возникновению войны. Особенно важно следующее обязательство, взятое на себя Интернационалом и всеми его партиями: «В случае, если война все же разразится, они должны активно выступить за скорейшее окончание ее и стремиться всеми средствами к тому, чтобы использовать вызванный войною экономический и политический кризис для возбуждения народных масс и ускорить падение капиталистического классового господства». Этот пункт, внесенный Лениным и Розой Люксембург и принятый конгрессом единогласно, говорил по существу, о том, что война неизбежно создает революционную ситуацию, революционную обстановку и что долг, обязанность социалистов использовать эту обстановку для пролетарской революции, которая и покончит с империалистической войной. В этом пункте уже был заложен в основном тот лозунг, который был сформулирован позже, в начале войны 1914 г. Лениным как лозунг «превращения империалистической войны в гражданскую».

Таким образом обязательства, взятые на себя социалистами на случай войны, были совершенно ясны. Манифест чрезвычайного Базельского конгресса, собравшегося в 1912 г. в обстановке Балканской войны, явного нарастания угрозы *мировой* войны, еще более ярко подчеркивал ее империалистический характер и требовал от социалистов всех стран решительной борьбы против империалистической войны. Особенно большая ответственность возлагалась на социалистов крупнейших империалистических стран — Германии, Франции и Англии.

Базельский манифест прямо угрожает правительствам революцией, если вспыхнет война: «Пусть правительства хорошо запомнят, что при современном состоянии Европы и настроении умов в среде рабочего класса возникновение войны не окажется безопасным для них самих. Пусть

они вспомнят, что франко-германская война вызвала революционный взрыв Коммуны, что русско-японская война пробудила движение революционных сил русского народа. Пусть они не забудут того, что затруднения, вызванные взаимным соперничеством государств в производстве чудовищных затрат на военные и морские вооружения, были причиной того, что социальные конфликты в Англии и на континенте стали осложняться забастовками в небывалой степени. Они безумны, если не понимают, что одна лишь мысль о страшной войне возбуждает у пролетариата всех стран чувство гнева и негодования. Рабочие считают преступлением стрелять друг в друга из-за выгод капиталистов, из-за честолюбивых династий или из-за хитросплетений тайных соглашений».

Базельский манифест 1912 г. таким образом ясно говорит о том, что: 1) предстоящая война будет империалистической, преступной войной, не стоющей ни капли народной крови, что 2) рабочий класс настроен решительно против войны и что 3) возникновение войны создает революционную обстановку.

Следует отметить, что ни в Штутгартской революции, ни в Базельском манфиесте, как подчеркивает т. Ленин, нет «ни единого словечка ни о защите отечества, ни о различии между наступательной и оборонительной войной».

Но вот наступили тревожные предвоенные дни. После Сараевского выстрела 28 июня 1914 г. события назревали с катастрофической быстротой. Война, характер которой как империалистической был очевиден, надвигалась стремительно. Социалистические партии в предвоенные дни внешне как будто действительно организуют протест против войны.

Массы в огромных демонстрациях протеста явно обнаруживают свою готовность к борьбе.

26 июля 1914 г., когда стало известно о разрыве дипломатических отношений Австрии с Сербией, германский пролетариат выходит на улицу. Мы имеем в этот день многотысячные демонстрации протеста против войны в Хемнице, Кельне, Лейпциге. Берлинская органи-

зация назначает на 28 июля ряд собраний протеста против войны.

Манифест центрального комитета германской с.-д. партии говорит: «Мы не хотим никакой войны. Долой войну! Да здравствует международнее братство народов!»

«Форвертс», центральный орган германской с.-д. партии, предостерегает правительство: «Если дело дойдет до великого европейского столкновения, то при этом могут самым неожиданным образом погибнуть такие вещи, которые в Германии причисляют к «священным благам».

27 июля происходят рабочие собрания протеста в Мюнхене, Штутгарте, Киле и других городах.

28 июля мощные уличные демонстрации рабочих в Берлине, Гамбурге, Бреславле, Любеке и др.

Правительство начинает прибегать к репрессиям — демонстрации разгоняются полицией, в отдельных городах запрещают антивоенные собрания.

28 июля (день начала военных действий Австрии против Сербии) «Форвертс» пишет: «Глубочайший смысл происходящего заключается в том, что производительные силы восстают против производственных отношений, что старый мир обречен на гибель, что причина войны не в сараевском убийстве, а в империализме, в стремлении капиталистических стран к расширению своих территорий».

29 июля — протесты против войны в Галле, Дрездене, Бранденбурге, Данциге; демонстрации в Лейпциге.

«Форвертс» угрожает: «На мобилизацию держав один ответ — мобилизация масс».

30 июля — движение протеста расширяется еще больше, уличные демонстрации происходят в Мангейме, Ганновере, Эссене, Дрездене, Вюртемберге, Иене, Бремене, Эльберфельд-Бармене и т. д. Демонстрации сопровождаются столкновениями с полицией.

Отдельные женские собрания протеста происходят в Галле, Лейпциге. Заметный рост цен на хлеб усиливает недовольство масс.

Таким образом настроение масс против войны было очевидным. Именно исходя из этого настроения и из же-

лания удержать свое влияние на массы, руководство германской с.-д. разыгрывает в эти дни роль борца против войны. Но уже множатся признаки приближающейся явной измены. Один из редакторов «Форвертса» — Штампфер пишет статью, в которой говорится, что война навязана Россией и надо защищать отечество. ЦК с.-д. партии 30 июля обсуждает эту статью и решает ее не печатать. В провинциальных газетах, однако, ее уже успели опубликовать.

«Форвертс» в статье 30 июля всячески подчеркивает миролюбие кайзера, который, якобы, «в последние годы выступал как истинный друг мира народов».

31 июля объявляется военное положение. Германия посылает России ультиматум о прекращении мобилизации. Устанавливается военная цензура. И в этот же день военное министерство издает приказ (№ 64) главному командованию, показывающий с очевидностью, что в те самые дни, когда с.-д. руководство протестовало против войны, вселяя в широкие массы уверенность в надежности руководства, в это же самое время это же самое руководство договаривалось с правительством и обнадеживало его насчет своего патриотического поведения. Приказ № 64 (содержание его стало известно после революции 1918 г.) гласил: «Согласно достоверным сообщениям, соц.-демократическая партия имеет твердое намерение вести себя так, как это подобает каждому немцу при нынешних условиях. Я считаю своей обязанностью довести сие до вашего сведения, дабы военноначальники приняли это во внимание при проведении своих мероприятий».

Воззвание ЦК Германской с.-д. партии 31 июля говорит, в связи с введением военного положения, о «бесполезности жертв» и предостерегает против «необдуманных действий», начиная таким образом сдерживать массы, но не кончая еще с тактикой лавирования, и назначает на 4 августа «собрания в пользу мира» (в виду запрещения демонстраций, назначенных на 2 августа). Открытые оппортунисты, между тем, начинают выявлять себя более откровенно (чувствуя поддержку всего буржуазного общества и государства и фактическую под-

держку самого с.-д. руководства). В Баварии выступает в парламенте с.-д. Гофман и заявляет: «Если через несколько дней немецкий народ должен будет взяться за оружие, тогда мы, с.-д., будем патриотами».

«Форвертс», сочувственно отзываясь об этом выступлении, продолжает твердить о миролюбии кайзера и канцлера и обещает в то же время читателям сохранять верность социализму.

Ряд провинциальных с.-д. газет (Мангейм, Франкфурт) говорит о необходимости защиты отечества, причем в качестве «революционного» лозунга выдвигается борьба против русского царизма и его кровавого режима.

1 августа в 5 часов вечера приказ о всеобщей мобилизации в Германии, в $7^1/_2$ — объявление войны России.

Война становится фактом. В силу вступают законы и условия военного времени. Массы ставятся в условия свирепого полицейского террора. В то же время всей силой мощного аппарата буржуазного государства и буржуазного общества производится воздействие на настроение, на психику масс. Распространяются официальные и неофициальные сведения о наступлении врагов, о таинственных летчиках, о шпионах, об агентах неприятельских стран, отравляющих колодцы и т. д. и т. п.

И в этот момент, когда подлинно социалистическое слово, разъяснение событий особенно необходимо, в этот момент немецкая соц.-дем. пресса включается в общий хор патриотических шовинистических голосов. 1 августа соц.-демократическая «Мюнхенская почта» заявляет, что при исполнении обязанности защиты отечества от кровавого царизма с.-д. не позволят превратить себя в граждан второго сорта. Переход руководителей рабочих организаций на сторону правительства становится с каждым днем все определеннее и яснее. 2 августа вожди профсоюзов запрашивают правительство об его отношении к деятельности профсоюзов во время войны. Министерство внутренних дел отвечает: «Мы не собираемся вас трогать, если вы не будете чинить нам никаких препятствий, ибо мы рады иметь на своей стороне крупные организации рабочего класса, на которые правительство сумеет опе-

реться в случае необходимой помощи». Вожди профсоюзов рады стараться. Конференция правлений свободных профсоюзов 2 августа объявила о прекращении всех начатых стачек, об отмене впредь всяческих стачек вообще, об обращении всех профсоюзных сумм на помощь семьям призванных, безработных (но *не* на стачки). Профсоюзы договариваются с министерством внутренних дел о привлечении безработных к уборке урожая.

Таким образом профсоюзы официально объявляют о прекращении классовой борьбы и провозглашают «гражданский мир» между трудом и капиталом.

Воззвание генеральной комиссии профсоюзов отдает рабочих на милость капиталистов, выражая надежду, что «экономическое ослабление рабочего класса не будет использовано в этот роковой час для снижения зарплаты и предъявления рабочим неприемлемых требований».

4 августа 1914 г. германская с.-д. фракция единогласно вместе со всем рейхстагом голосовала за военные кредиты правительству. Измена с.-д. руководства всем решениям социалистических конгрессов стала открытой, явной перед всем миром.

Соединенными усилиями правительства, буржуазии и с.-д руководства массы трудящихся через свои организации, профсоюзы и партию были поставлены на службу немецкому империализму.

Мы особенно подробно остановились на Германии, ибо германская с.-д. была самой сильной партией во 2-м Интернационале. Но не лучше обстояло дело и в других капиталистических странах.

В тот же, печальный для социалистического движения и радостный для буржуазии день 4 августа 1914 г. французские социалисты голосовали в палате депутатов за все правительственные мероприятия, связанные с войной, вплоть до осадного положения. Через некоторое время Жюль Гед, вождь партии, когда-то организатор марксистской партии во Франции, стал министром в буржуазном империалистическом правительстве. Министром стал и другой социалист — Самба.

Как и в Германии, французская с.-д. партия вплоть до

последних дней устраивала митинги и демонстрации протеста против войны.

После 4 августа французская социалистическая партия целиком включается в дело «национальной обороны».

В Англии повторяется та же история. Еще 1 августа Кейр-Гарди, — Гендерсон требовали на митингах нейтралитета Англии. 3 августа — грандиозные митинги протеста. Манифест рабочей партии кончается призывом «Долой войну!»

7 августа парламентская фракция рабочей партии решает не выступать против военных кредитов. А к концу августа рабочая партия принимает уже деятельное участие в вербовке добровольцев для армии. Как и в Германии, профсоюзы отменяют стачки. В июне 1915 г. «рабочие вожди» Гендерсон, Брейс и Робертс становятся министрами.

Так почти во всех странах вожди социалистических партий проявили себя социал-патриотами, социал-шовинистами, поставившими интересы отечественного империализма выше интересов международного пролетариата. Лишь в Сербии и России соц. партии не голосовали за военные кредиты.

Что же делало в решающие дни руководство 2-го Интернационала в целом? С 20 по 29 июля заседало Международное социалистическое бюро в Брюсселе. Решено было конгресс 2-го Интернационала, намеченный несколько лет тому назад на 23 августа 1914 г., созвать в Вене на 9 августа, поставив на нем основной вопрос о войне и пролетариате. В заседании 30 июля было единогласно постановлено «обязать пролетариев всех заинтересованных народов не только продолжать, но и усилить их демонстрации против войны».

На этом деятельность 2-го Интернационала оборвалась. Началась война и в большинстве своем социалисты распределились по своим отечествам и по соответствующим империалистическим союзам — социалисты стран Антанты и социалисты германо-австрийские стали друг против друга. Ни о каком Интернационале при такой позиции не могло уже быть и речи. После четверти века жизни 2-й Интернационал потерпел крах.

Почему 2-й Интернационал потерпел крах?

Он потерпел крах потому, что в нем, опираясь на рабочую аристократию, возобладали оппортунисты — противники социалистической революции, сторонники сотрудничества с буржуазией, противники международной солидарности пролетариата и защитники буржуазного национализма. Явные оппортунисты возобладали потому, что их прикрывало центристское руководство. Когда война поставила вопрос ребром, — защищать ли буржуазное отечество или немедленно же взяться за подготовку революции, 2-й Интернационал, большинство его партий, оказался бессильным и потерпел позорный крах. 2-й Интернационал не выплатил по своим векселям, выданным в Штутгарте и Базеле, и оказался злостным банкротом.

Партии 2-го Интернационала, перешедши на сторону буржуазии, оказали ей неоценимую услугу. Без помощи этих партий нельзя было ни начинать, ни нести многолетнюю империалистическую войну.

Какие доводы выставляли для защиты своей позиции социал-патриоты? Весьма разнообразные и в каждой стране по своему. Так, немецкие оппортунисты подчеркивали то обстоятельство, что Германия страна самого развитого социалистического движения, что она ближе всех к социализму, — и поэтому надо всячески защищать немецкое отечество против русского царизма, русских казаков, угрожающих растоптать немецкую социал-демократию.

Французские социал-патриоты призывали защищать республиканскую, демократическую Францию, страну Великой Французской Революции, Парижской коммуны, от прусского штыка, от реакционной гогенцоллерновской Германии.

Английские социалисты призывали бороться за право, справедливость, нарушенные немцами, вторгшимися в нейтральную Бельгию. (Кстати говоря, известно, что во-первых, Бельгия не была нейтральной, ибо еще до войны тесно была связана с Антантой и была фактически членом ее, что, во-вторых, сами союзники в своих военных планах имели в виду нарушение этого нейтралитета).

При этом подчеркивались империалистические, захватнические цели противника и замалчивались такие же цели «родного» отечества.

Германские и австрийские социалисты требовали независимости Ирландии, Индии, русской Польши, умалчивая о Познани, Галиции.

Хитрее, замаскированнее выступали центристы типа Каутского. Они сокрушенно вздыхали о несчастии, больше говорили о мире и взаимной амнистии и ссылались на то, что Интернационал — это «инструмент мира», т. е. что он может действовать лишь в мирное время, а во время войны он должен молчать, тем более, что правительство всесильно, а массы настроены патриотически.

Ссылка на слабость, неподготовленность масс, попытка снять, переложить вину с больной головы на здоровую — это характерная черта для центристов, продолжавших изображать себя революционерами. Между тем, совершенно ясно, что вина ложилась не на массы. Массы были накануне войны настроены боевым образом, но они были дезорганизованы предательским поведением вождей, еще накануне возглавлявших протест против войны. Положение усугубляла обстановка мобилизации, военного положения, полицейского террора, слухов о шпионах, о воздушных налетах — словом, обстановка очень сложная, в которой не легко было с первого взгляда разобраться.

Буржуазия оценила заслуги социал-патриотов, всячески их поддерживая, восхваляя их «политическую мудрость» и одаряя министерскими постами и другими тепленькими местечками и подачками.

2-й Интернационал потерпел в 1914 г. крах. Социалистическое движение несомненно получило серьезный удар. Но оно не погибло, оно не могло погибнуть, поскольку война не только не снимала вопросов классовой борьбы, а, как мы видели, ставила их все острее и острее по мере продолжения войны. Но самотеком революционное социалистическое движение возродиться не могло. Для этого нужны были революционные организации, революционеры, которые сохранили верность социализму, верность международному пролетариату, готовность бо-

*

роться при самых трудных условиях, какие создала война. И именно такой революционной организацией, которая единственно верно сумела разобраться в обстановке, наметить правильную тактику, выдвинуть правильные лозунги, пойти в массы, организовать их, сплотить подлинных революционеров-одиночек, разбросанных по всему миру, в международную организацию, была партия большевиков во главе с т. Лениным.

Мы знаем из истории нашей партии, что она с первых же дней своего существования — с 1903 г. — строилась, в отличие от других партий довоенного 2-го Интернационала, наполненных мелко-буржуазными элементами, как партия исключительно пролетарская, как партия революционно-марксистская, не терпящая в своих рядах ни малейшего проявления какого бы то ни было оппортунизма. Тов. Ленин сумел не только восстановить революционный марксизм, который руководители 2-го Интернационала извратили и опошлили, «Ленин не был только лишь исполнителем учения Маркса — Энгельса. Он был вместе с тем продолжателем учения Маркса — Энгельса. Что это значит? Это значит, что он развил дальше учение Маркса — Энгельса применительно к новой фазе капитализма, применительно к империализму». Ленинизм — марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Революционная обстановка в России, в эпоху империализма, в начале XX ст. стоявшей «перед буржуазно-демократической революцией с перспективой перерастания в пролетарскую», была той почвой, которая именно в России создала условия для организации партии нового типа, партии, способной разрешать задачи революционной эпохи.

Партия большевиков вела борьбу с оппортунизмом не только в России, хотя и эта борьба имела международное значение, поскольку вопросы русской революции были и международными вопросами. Большевики, входя во 2-й Интернационал, составляли там крайнюю левую и там вели ожесточенную борьбу с оппортунистами. Известно, что Ленин, лично присутствуя на Штутгартском (1907 г.) и Копенгагенском (1910 г.) конгрессах, пытался сплотить

левых, подготовляя разрыв с оппортунистами на международной арене.

Еще до мировой войны большевики на практике показали, как надо вести себя революционной партии в войне, чуждой интересам пролетариата: это было во время русско-японской войны. Уже тогда большевики выдвинули лозунг поражения «своего» правительства, исходя из того, что поражение царской России будет ударом и по русскому царизму и по всей международной буржуазии, ускорит победу русской революции, ее перерастание из бружазно-демократической в пролетарскую, ускорит назревание международной революции. «Западно-европейская буржуазия чувствовала себя так спокойно в атмосфере долгого застоя под крылышком «могучей империи». Катастрофа нашего злейшего врага означает не только приближение русской свободы. Она предвещает также новый революционный подъем европейского пролетариата» (*Ленин*). В то же время большевики, не ограничиваясь общей агитацией и пропагандой, разворачивают большую работу *в войсках,* связывая начавшееся движение в армии с общим революционным потоком, с работой по подготовке вооруженного восстания. Не случайно поэтому лозунг превращения империалистической войны в гражданскую был впервые осуществлен в России.

Большевики единственно правильно выразили теоретически и практически отношение международного революционного пролетариата в войне 1914 г.

Уже в первых числах сентября 1914 г., после освобождения из тюрьмы в Галиции, Ленин выступил на собрании большевиков в Берне (Швейцария) со своими тезисами «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне». В этих тезисах был выдвинут, между прочим, следующий лозунг рев. с.-д. «Всесторонняя, распространяющаяся и на войско и на театр военных действий пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств всех стран» (*Ленин*).

Во второй декаде сентября 1914 г. Ленин в статье

«Европейская война и международный социализм» пишет, начиная с этого статью, что социалисту всего тяжелее — ужасы измены современного социализма, а не ужасы войны: «Мы всегда за священную войну всех угнетенных за завоевание их отечества».

В письме к Шляпникову от 17 октября 1914 г. Ленин пишет: «Пролетарский лозунг должен быть — гражданская война. Объективно — из коренной перемены в положении Европы вытекает такой лозунг для эпохи массовой войны. Из базельской резолюции вытекает тот же лозунг. Мы не можем ни «обещать» гражданскую войну, ни «декретировать» ее, но вести работу — при надобности и очень долгую в этом направлении — мы обязаны».

В обращении ЦК РСДРП, написанном в октябре 1914 г., впервые дан развернутый лозунг: «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом».

В статье «Положение и задачи социалистического Интернационала», написанной в этот же период, лозунг «Превращение империалистической войны в гражданскую» раскрывается подробнее.

Уже Парижская Коммуна, как говорит Ленин, «была превращением войны народов в гражданскую войну». «Такое превращение лежит в объективных условиях капитализма вообще, эпохи конца капитализма в особенности». Объективные условия капитализма — это классовая борьба, непрерывная, ожесточенная, в определенных условиях принимающая высшую форму — гражданской войны, войны рабочего класса против класса капиталистов. Эти определенные условия, при которых классовая

борьба может принять форму гражданской войны, революции, — это условия революционной ситуации.

Но Ленин же указывает, что «не всякая революционная ситуация приводит к революции», что революционная ситуация должна быть использована, и это предполагает наличие революционной партии, «способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, «не упадет», если его «не уронят».

Война «ускоряет развитие», обостряет классовые противоречия, способствует назреванию революционной ситуации. Особенно это относится к империалистической войне, которая является «народной» в том смысле, что в нее втягиваются широчайшие народные массы, подвергающиеся величайшим лишениям и бедствиям.

Из этой «народности» империалистической войны следует, что «и в военное время и на войне и по военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы» *(Ленин)*.

Опыт войны подготовляет широчайшие массы к постановке конкретных вопросов классовой борьбы, к постановке вопросов о власти, о свержении империалистической буржуазии, несущей смерть и ужас, гибель миллионов. Но переход масс к революционной борьбе возможен лишь при выполнении передовым отрядом рабочего класса, революционной партией своей первейшей обязанности: «вскрывать перед массами наличность революционной ситуации, разъяснять ее ширину и глубину, будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении» *(Ленин)*.

Социалисты должны ставить перед массами вопрос ребром: «либо продолжать избивать друг друга ради прибылей капиталистов, сносить дороговизну, голод и иго миллиардных долгов и комедию прикрытого демократи-

ческими и реформаторскими посулами империалистского перемирия, либо восстание против буржуазии» (*Ленин*).

Массы стоят перед мучительным вопросом о выходе из войны. На этих чувствах масс играют буржуазия и ее оппортунистические подголоски, сея иллюзии о возможности этого выхода из войны, достижения демократического мира без рабочей революции. На тему о борьбе за мир (без революции) особенно много распространялись центристы: Каутский, Троцкий и др. «Война вызвана господствующими классами, ее кончит только революция рабочего класса», — говорит Ленин.

Империалистическая война сама по себе может вести только к империалистическому миру, ибо мир, как и война, есть продолжение той же политики, лишь «с записью тех изменений в отношении между силами противника, которые созданы военными действиями».

Но эта революция рабочего класса, восстание против буржуазии, должна быть именно социалистической революцией, в силу коренной противоположности интересов пролетариата, трудящихся масс с интересами буржуазии, с такой силой, резкостью и отчетливостью вскрытой империалистической войной; в силу того, что в большинстве стран основные задачи буржуазной революции разрешены, что «современное капиталистическое общество, по крайней мере, в передовых странах вполне созрело для перехода к социализму» (*Ленин*).

Итак, империалистическая война ставит перед социалистами задачу: на основе революционной ситуации, создаваемой войной, вести массы к превращению войны в гражданскую, к революции против своих господствующих классов. Эти задачи составляют прямую противоположность гражданскому миру и защите отечества — лозунгу, выдвигаемому буржуазией и ее агентурой в рабочем классе. Но сам по себе *голый* лозунг отказа от защиты отечества несостоятелен.

Отказаться от защиты отечества (буржуазного) во время империалистической войны — значит практически всерьез ставить вопрос *о революции*.

«Революция во время войны есть гражданская война, а

превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительств, а с другой стороны — невозможностью на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению» (*Ленин*).

«Превращение империалистической войны в гражданскую не может быть «сделано», как нельзя «сделать» революции, — оно вырастает из целого ряда многообразных явлений, сторон, черточек, свойств, последствий империалистической войны. И такое вырастание невозможно без ряда военных неудач и поражений тех правительств, которым наносят удары их собственные угнетенные классы. Отказываться от лозунга поражения значит превращать свою революционность в пустую фразу или одно лицемерие». (*Ленин*).

Каковы же ближайшие задачи социалистов в борьбе за превращение империалистической войны в гражданскую? Задачи тяжелые, требующие величайшего напряжения сил, жертв, но реальные, выполнимые для всякого подлинного революционера, для подлинной социалистической партии; задачи, которые можно и должно начинать проводить в жизнь даже при малой в начале численности подлинных интернационалистов.

Эти ближайшие задачи: безусловный отказ от какого бы то ни было проявления политики «гражданского мира» (голосования военных кредитов, прекращения стачек и т. д.), создание нелегальных организаций, революционной пропаганды в армии, в тылу и на фронте; поддержка братания солдат, массовых выступлений пролетариата.

Все эти задачи разрешаются, однако, при одном непременном условии — полного разрыва с социал-шовинистами и пацифистами, организации революционных элементов.

Таковы взгляды Ленина, развитые им во время войны,— взгляды, за проведение в жизнь и усвоение которых всеми революционными социалистами во всем мире Ленин энергично боролся.

Большевики во главе с Лениным с самого начала войны начали работу по собиранию и сплочению во всех стра-

нах людей, которые не изменили социализму, которые остались на позиции международной пролетарской солидарности. Их было в начале не так много — отдельные лица, отдельные группки. Надо было их собрать, сплотить и, что очень важно, договориться всем истинным революционерам о единой точке зрения, едином понимании обстановки, задач, тактики. Ленин делал и то и другое. В связи с так называемым «Циммервальдским движением»,[1] возникшим в 1915 г., Ленин создал международную левую. Ленин повел борьбу за то, чтобы левые стали на большевистскую точку зрения, освободившись от ряда центристских установок. У левых было много ошибок — они не понимали особой опасности центризма и необходимости организационного разрыва с ним, создания самостоятельных революционных организаций, создания нового Интернационала. Они не понимали значения и сути лозунга поражения, без чего не могло быть и понимания сущности отказа от защиты отечества, не могло быть и превращения империалистической войны в гражданскую.

Не понимая как следует сущности империализма, они не понимали и вопроса о необходимости демократических резервов (крестьянства, колониальных народов) для победы пролетарской революции, пренебрегали национально-освободительным движением колониальных народов и крестьянским вопросом.

Из всего этого следовали неправильные лозунги — сочатание лозунга «поражения» с лозунгом «борьбы за мир», установка на разоружение вообще, а не на вооружение пролетариев; левые говорили о «гражданской войне», но под ней разумели не пролетарскую революцию, а «революционно массовую борьбу против войны» вообще. Но самым опасным было непонимание необходи-

---

[1] В 1915 г. в дер. Циммервальд в Швейцарии состоялась первая за время войны международная конференция социалистов, поставившая вопрос о борьбе с войной; это имело большое значение и отражало сдвиги в настроении масс, но в циммервальдском движении было немало центристов и пацифистов, которые не умели и не хотели связывать вопрос о борьбе за мир с вопросом о революции. Была и группа левых.

мости разрыва с центристами. И это принесло, в частности для развития революции в Германии, огромный вред. Немецкие революционные социалисты — «спартаковцы» (во главе с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом) только в декабре 1918 г. вышли из партии «независимых с.-д.», во главе которой стоял Каутский и другие центристы, и образовали коммунистическую партию. Такой поздний организационный разрыв с центристами был одной из важнейших причин поражения пролетарской революции, начавшейся в Германии в ноябре 1918 г.

Большевики выполняли свои интернационалистские обязанности на международной арене рабочего движения, сплачивая здесь идейно и организационно все интернационалистические элементы в борьбе против империалистической войны на основе единственно правильного лозунга превращения империалистической войны в гражданскую. Но Ленин неоднократно и с первых же дней подчеркивал, что подлинный интернационализм познается прежде всего на поведении социалиста в *своей* стране. В разговоре с Шкловским Ленин сказал: «Тот не социалист, кто во время империалистической войны не желает поражения своему правительству, не борется со своими шовинистами, с империализмом своей буржуазии и своего правительства. Если каждый социалист исполнит свой долг внутри своей страны и поведет войну против своего империалистического правительства, тогда война империалистическая превратится в войну гражданскую. А этого мы должны добиться» («Пролетарская революция», 1925, № 5, стр. 137).

Большевистские организации в России еще до получения основного лозунга о превращении войны империалистической в гражданскую от заграничного центра в большинстве своем подошли к этому лозунгу и, что особенно важно, практически в своей повседневной работе стали сразу на верный путь не простого отрицания войны, а действенной борьбы за подготовку гражданской войны.

Прокламация ЦК, вышедшая до появления манифеста ЦК, выражает мысль об обращении оружия против своего правительства. «Нет, если уж нужно умирать, то

умрем за народное дело, а не за дело Романовых и черносотенных дворян. Они дают нам в руки ружья: будем же людьми и воспользуемся этим оружием для того, чтобы завоевать русскому рабочему классу новые условия жизни, жизни прекрасной и свободной».

Огромное значение имеет то обстоятельство, что уже после печально знаменитого голосования германской с.-д. 4 августа с.-д. депутаты в Государственной думе в знак протеста против принятия кредитов Думой ушли с заседания. Под давлением большевиков и меньшевики не пошли на принятие военных кредитов. Из социалистических партий воюющих стран только русская и сербская не запятнали себя изменой «4 августа», ставшей нарицательной. Депутаты Государственной думы большевики не прекратили своей активной деятельности среди рабочих, которую они вели до войны. В ноябре 1914 г. депутаты-большевики были арестованы и преданы суду.

В рабочих массах выступление большевиков-депутатов произвело большее впечатление — перед ними выступали подлинные борцы против войны с четкой установкой, так резко отличавшейся от путаной словесности меньшевиков и эс-еров.

Департамент полиции свидетельствует (а в этом ему можно поверить), что именно большевики повели настоящую активную борьбу против империалистической войны: «Ленинцы, приобретшие доминирующее значение в партии... выпустили с начала войны в наиболее крупных своих центрах (как-то: Петроград, Москва, Харьков, Киев, Тула, Кострома, Владимирская губ., Самара) значительное количество революционных воззваний с требованием прекращения войны, низвержения существующего правительства и устройства республики, причем эта работа имела своим обязательным результатом устройство рабочими забастовок и беспорядков».

Департамент полиции свидетельствует также, что «ликвидаторы, руководимые с.-д. думской фракцией, проявили свою деятельность преимущественно в сфере «легальных возможностей» (больничные кассы, съезды, профессиональные общества).

Большевики, несмотря на отчаянный правительственный террор, развили активную нелегальную работу не только среди рабочих, но и среди солдат на фронте и в тылу, направляя внимание вооруженнных пролетариев и крестьян на внутреннего врага—царизм, помещиков, буржуазию как главного непосредственного врага. 1915 год дает явные признаки нарастания революционной ситуации. Большевики делают все для организации масс, для подготовки их к действиям, используя всякие легальные и нелегальные возможности.

Большую кампанию проводят большевики в связи с выборами в Военно-промышленные комитеты, имевшие целью втянуть рабочие массы России в организационную помощь обороне отечества под руководством контрреволюционной буржуазии. Меньшевики (Гвоздев и К°) и эс-еры поддерживали эту затею, исходя по сути дела из тех же мотивов, что и западно-европейские социал-шовинисты; но под особым предлогом — в интересах, якобы, организации масс в условиях царизма.

В связи с выборами большевики сумели, разоблачив гвоздевщину, шовинизм меньшевиков и эсеров, повести за собой в крупнейших центрах и на крупнейших предприятиях передовиков-пролетариев, сначала поддавшихся было меньшевистско-эс-еровской демагогии.

Большевики в борьбе за массы, за революционный выход из империалистической войны, должны были преодолеть все виды отступления от интернационализма, развивавшиеся различными оттенками меньшевиков и эсеров от Плеханова до Чхеидзе, которые по разному противопоставляли большевистскому лозунгу —о превращении империалистической войны в гражданскую — лозунг «долой правительство измены».

Февральская революция была началом превращения империалистической войны в гражданскую. Но только началом. Ибо завершением этого превращения могла быть только социалистическая революция. В Октябре она была победоносно совершена под руководством большевиков русским пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством. Гражданская война против русской и всемирной бур-

жуазии дала выход из империалистической войны через гражданскую войну к построению мощного социалистического государства, ведущего самостоятельную внешнюю политику.

Октябрьская революция — открыла новую полосу в борьбе международного пролетариата против империалистических войн. Она вызвала к жизни первое в истории пролетарское государство, руководимое партией большевиков, она дала толчок к созданию нового Коммунистического Интернационала, руководящего революционным движением мирового пролетариата. Борьба против империалистических войн вступила в новую фазу, определяемую всеобщим кризисом капитализма и борьбою двух систем.

Победоносная Октябрьская революция, возникшая в ходе мировой войны, на основе революционной ситуации созданная войной, была взрывом всей капиталистической системы в слабейшем звене империализма и *решающим моментом* общего кризиса системы в целом.

Лучше всего определяет сущность общего кризиса капитализма т. Сталин:

«Это означает, прежде всего, что империалистическая война и ее последствия усилили загнивание капитализма и подорвали его равновесие, что мы живем теперь в эпоху войн и революций, что капитализм уже не представляет единственной и всеохватывающей системы мирового хозяйства, что наряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самым фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы.

Это означает, далее, что империалистическая война и победа революции в СССР расшатала устои империализма в колониальных и зависимых странах, что авторитет империализма в этих странах уже подорван, что он не в силах больше по-старому хозяйничать в этих странах. Это означает, дальше, что за время войны и после нее в колониальных и зависимых странах появился и вырос свой

собственный молодой капитализм, который с успехом конкурирует на рынках со старыми капиталистическими странами, обостряя и осложняя борьбу за рынки сбыта.

Это означает, наконец, что война оставила большинству капиталистических стран тяжелое наследство в виде хронической недогрузки предприятий и наличия миллионных армий безработных, превратившихся из резервных в постоянные армии безработных, что создавало для капитализма массу трудностей еще до нынешнего экономического кризиса и что должно еще больше осложнить дело во время кризиса».

Империалисты, занятые между собой дракой, не были в состоянии задушить Октябрьскую революцию, страну Советов. Это попытался сделать в первую очередь Германский империализм, ему удалось навязать Советской России «похабный» Брестский мир (март 1918 г.), но Ноябрьская революция в Германии ликвидировала его. В дальнейшем, как известно, по окончании войны Антанта при помощи прямой интервенции и поддержки внутренней контрреволюции пыталась задушить Советскую Россию (три похода Антанты — весной 1919 г., осенью 1919 г. и в 1920 г.). Война мирового империализма против первой страны диктатуры пролетариата закончилась победой страны Советов. Страна Советов отстояла свое существование, взялась за восстановление хозяйства и укрепление власти Советов, создав условия для победоносного социалистического строительства, для выполнения первой пятилетки в четыре года, для грандиозных работ второй пятилетки, завершающих построение социализма на шестой части земного шара. Это стало возможным благодаря гениальному руководству революции большевистской партии во главе с тт. Лениным и Сталиным, благодаря беззаветной поддержке этой партии миллионами рабочих и крестьян, благодаря поддержке мирового пролетариата, в труднейших условиях боровшегося против империалистической интервенции.

Это стало возможным, благодаря решительной беспощадной борьбе партии со всеми уклонами от ленинской линии.

Иначе сложились судьбы революции в других странах. Измена и предательство социал-демократии, слабость революционных организаций в этих капиталистических странах привели к тому, что революции 1918—1919 гг. в Германии, Австрии, Венгрии, революции пролетарские, потерпели поражение. Победа этих революций в культурнейших передовых странах Зап. Европы в соединении с победоносной революцией в России создала бы такую огромную революционную силу, против которой мировой империализм был бы бессилен.

Опытнейший буржуазный политик Ллойд Джордж прекрасно понимал эту опасность для капиталистического мира, когда писал в связи с разработкой условий империалистического мира в 1919 г.: «Революция находится в своем начале. В России царствует неистовый террор. Вся Европа проникнута революционным духом. Население всей Европы начинает сомневаться в закономерности современного социального, политического и экономического порядка... Большевики сумели создать крупную, повидимому, хорошо дисциплинированную армию, которая в большей своей части готова принести любые жертвы за свои идеалы...— Наибольшую опасность современного положения я усматриваю в возможности союза Германии с Россией. Если в Германии власть будет захвачена спартакистами, она неизбежно соединит свои судьбы с большевистской Россией. Если это произойдет, вся восточная Европа будет вовлечена в большевистскую революцию... Большевистский империализм угрожает не только странам, граничащим с Россией, он угрожает также всей Азии и Америке, отстающим от него не дальше, чем Франция».

Старая буржуазная лисица прекрасно понимала, откуда грозит опасность капиталистическому миру. Мировая война создала революционную обстановку во всем мире. Массы довольно скоро стали выходить из того тупика, в который их завели оппортунистические вожди рабочих организаций. Движение протеста против режима «военной» каторги, против бедствий войны, против неслыханной спекуляции и «веселья» тыловых героев — развива-

лось во всех странах, постепенно все больше перерастая в протест против империалистической войны, ее зачинщиков, против капитализма в целом. Отказ от «гражданского мира», навязанного оппортунистическими руководителями, делается общим явлением. Само собой разумеется, что деятельность революционных социалистов играла исключительную роль в пробуждении масс к активной борьбе. Исключительную роль сыграло не только для Германии, но для всего мира героическое поведение Карла Либкнехта, единственного из 110 с.-д. депутатов голосовавшего 2 декабря 1914 г. против военных кредитов, его беззаветное мужество в борьбе против войны, несмотря на тюрьму и каторгу.

На призыв «Спартака» к первомайской демонстрации в 1916 г. откликнулось в Берлине около 10 тысяч человек. Во главе демонстрации шел Карл Либкнехт, провозглашавший лозунги: «Долой войну, долой правительство», за что он был немедленно арестован.

В связи с судом над Либкнехтом 28 — 29 июня 1916 г. в Берлине бастовало 55 тыс. металлистов.

В апреле 1917 г. в связи с сокращением хлебного пайка началась стачка, охватившая сотни тысяч рабочих. Вопреки усилиям вождей, старавшихся свести ее к продовольственному вопросу, она принимала все более политический характер. В частности, в Лейпциге возник впервые в Германии *Совет* рабочих депутатов (влияние русской революции уже сказывалось) и выставлялись уже и политические требования.

Но революционные настроения овладевали постепенно и «святая святых» буржуазного государства — армией. Ни особо свирепый террор, ни особые меры не могли приостановить процесс революционизирования солдатских и матросских масс.

Началось с флота, где дисциплина была особо суровой. В октябре 1917 г. произошло выступление матросов на корабле «Принц Леопольд» в связи с запрещением выхода в город. Вследствие плохого руководства движением оно скоро кончилось поражением, но значение и влияние выступления было огромно. Ленин оценивал это событие

так: «В Германии начало революции явное, особенно после расстрела матросов». Октябрьская революция в России оказала огромное влияние на немецких рабочих. Оглашение требований, предъявленных Советской России в Бресте генералом Гофманом, вызвало январскую стачку (1918), охватившую во всей Германии около 1 миллиона рабочих. Был создан Совет рабочих и солдатских депутатов в Берлине. Используя помощь вождей социал-демократии и правых и «независимых», правительство подавило и это мощное движение.

Так нарастало революционное настроение пролетарских масс Германии, закончившееся революцией. Слабость «спартаковцев», их позднее отделение от «независимых», которые разыгрывали «левых» и помогли правым овладеть движением, обрекли революцию 1918 г. в Германии на поражение.

Во Франции поворот в массовом рабочем движении намечается с конца 1916 г. Как и повсюду, революция в России производит огромное впечатление, ободряя массы активизируя их. Особенно важно отметить волнения в армии в 1917 г. Наступление генерала Невиля в апреле 1917 г., закончившееся разгромом и гибелью более 100 тыс. солдат, вызвало широкое движение протеста среди солдат. Начался отказ от выступления в бой, демонстрации с пением Интернационала, с требованиями окончания войны и т. д.

Листовка с «десятью заповедями» (требованиями) солдат распространилась по всему фронту. Несколько полков собиралось итти на Париж. 8 июня 1917 г. Пуанкаре писал в своем дневнике: «Эрбильон сообщил мне, что новые военные части собирались двинуться на Париж, чтобы заставить правительство и палаты заключить мир. Рассказывают, что бравые офицеры, чрезвычайно павшие духом, ведут слишком вольные разговоры в поездах». Движение охватило 75 пехотных полков, 12 артиллерийских. Оно было подавлено с большим трудом и кровавым образом.

Социалисты не мало помогли в этом правительству. Отсутствие революционной партии сорвало многообещавшее движение.

В 1917 г. началось и широкое стачечное движение, охватившее самые разнообразные отрасли промышленности. 1918 год ознаменовался уличными демонстрациями, столкновениями с полицией и т. д.

В Англии перелом от пассивности в рабочем движении наметился уже в 1915 г. (стачка в машиностроительной промышленности в Глазго и в угольной промышленности на Клайде). Восстание в Ирландии в 1917 г., Советы рабочих депутатов в 1917 г. в Лидсе, борьба против антисоветской интервенции — ряд фактов свидетельствовал, что и в Англии революционная обстановка была налицо.

Поражение пролетарской революции на Западе в 1917—1919 гг. привело к тому, что мировой империализм сумел закончить империалистическую войну империалистическим миром.

Война 1914 г. для России, благодаря Октябрьской революции и ее победам, закончилось превращением ее в социалистическую страну Советов, страну вполне независимую и ведущую вполне самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, играющую, даже по признанию буржуазных политиков, исключительную выдающуюся роль в мировой политике как фактор мира. Для всех остальных стран, где власть осталась в руках капиталистов, война 1914 г. закончилась империалистическим переделом мира, оставшегося в распоряжении капитала. Этот передел мира нашел свое выражение в так называемой Версальской системе мирных договоров.

ВЕРСАЛЬСКАЯ СИСТЕМА

В марте 1916 г., когда стали пускаться пробные шары о мире, Ленин писал в предложениях большевиков второй циммервальдской конференции, что *этот* мир, о котором стали поговаривать отдельные круги империалистов, а за ними и социал-патриоты, особенно центристского типа, может быть только империалистическим. Ленин разъяснял, что «мир, заканчивающий мировую войну, может быть лишь учетом и записью действительных изменений в силе, достигнутых в результате войны». Но война, начавшаяся в 1914 г., «ведется ради мировой гегемонии, т. е. ради нового угнетения слабых наций, нового раздела мира, раздела колоний, сфер влияния и пр. — такого раздела, при котором бы старые грабительские державы — Англия, Франция, Россия, уступили долю своей добычи молодой и более сильной грабительской державе — Германии».

Ленин сказал, что, «если революция пролетариата не свергнет теперешних правительств и теперешних господствующих классов воюющих «великих» держав, то абсолютно невозможен никакой иной мир, кроме более или менее кратковременного перемирия между империалистическими державами, мир, сопровождающийся усилением реакции внутри государств, усилением национального гнета и порабощения слабых наций, увеличением горючего материала, подготовляющим новые войны, и прочее и т. п.

События полностью подтвердили предвидение Ленина. Победители, страны Антанты, навязали побежденным странам германоавстрийского союза неслыханный в

истории *грабительский* мир. Победители создали Версальскую систему международных отношений. Эта система нашла свое отражение в ряде мирных договоров, навязанных побежденным странам. Первый договор, навязанный Германии и подписанный 28 июня 1919 г. в Версале, послужил образцом для других договоров — Сен-Жерменского, Нейи, Трианонского, Севрского — отсюда вся система международных отношений, созданных империалистами-победителями, получила название *Версальской.*

Когда господа победители судили и рядили о новом международном порядке, то они учитывали, прежде всего свои *собственные* аппетиты и интересы, т. е. аппетиты и интересы каждой империалистической страны в отдельности, а они были весьма противоречивые: Англия, разгромив Германию как морскую державу, не стремилась окончательно добить ее, опасаясь гегемонии Франции в Европе. Франция же именно этого и добивалась, поскольку с точки зрения военной силы она к концу войны оказалась самой могущественной из победителей. Соединенные Штаты Америки были и против гегемонии Франции и против чрезмерного усиления Англии (разгром Германии как главной соперницы Англии за мировое господство выдвигал на первый план в борьбе за это господство соперничество старой Англии с сильно окрепшим и разбогатевшим за время войны другим молодым империалистом — США).

Но над всеми победителями, вместе взятыми, во все время их «работы» по переделу мира висела большая забота: это—«русская опасность», это—боязнь мировой пролетарской революции, которая на территории бывшей царской России обрела себе, впервые в истории, мощную базу.

И уже организуя интервенцию против Советской России, Версальские миротворцы, одновременно перекраивая мировую карту, создавали вокруг большевистской России круг мелких и средних государств, «санитарный кордон» против проникновения большевизма в их страны и вместе с тем военные плацдармы, подступы для развертывания антисоветских контр-революционных сил.

Версальская система должна была по замыслу ее создателей закрепить новое соотношение сил между империалистическими государствами, создать условия окружения и интервенции Советской России, закрепить и усилить систему колониального гнета, за время войны давшую большую трещину (под влиянием войны и, в особенности, Октябрьской революции, раскрепостившей многочисленные угнетенные народности бывшей царской России, — в Индии, Китае, во всем колониальном мире усилилось национально-освободительное движение против империалистического гнета).

Характеризуя Версальскую систему, Ленин указывал, что война путем Версальского договора «отбросила сразу около четверти миллиарда населения земли в положение, которое равносильно колониальному... навязала такие условия, что передовые страны оказались на положении колониальной зависимости, нищеты, голода, ибо они на многие поколения договором связаны и поставлены в такие условия, в которых ни один цивилизованный народ не жил... Версальский договор поставил Германию и целый ряд побежденных государств в условия материальной невозможности экономического существования, в условия полного бесправия и унижения».

В итоге, говорит Ленин, получилось неизмеримо большее обострение всех капиталистических противоречий — и между отдельными странами, и внутри каждой страны.

Посмотрим поближе, что собой представляет Версальская система.

По Версальскому договору у Германии была отнята $^1/_8$ часть принадлежавшей ей территории с $^1/_{12}$ частью ее населения. Германия лишилась Эльзас-Лотарингии, Познани, Западной Пруссии (за небольшим исключением), части Силезии и Померании. Эльзас-Лотарингия отошла к Франции, остальные — в состав вновь образованного Польского государства.

Богатый углем Саарский район отошел на 15 лет к Франции (в 1934 году плебисцит — народное голосование будет решать вопрос, остаться ли этой области за Францией или отойти обратно к Германии). Балтийские порты

Данциг и Мемель были у Германии отняты: Данциг стал «вольным городом», а Мемель перешел к Литве. Узкая полоса польских владений до Данцига (так называемый Данцигский коридор) отрезала Восточную Пруссию от остальной Германии. Германские колонии были разделены между союзниками — победителями...

В итоге Германия потеряла 76% всей ее железной руды, и 33% угля. Германия была разоружена. Договор разрешил ей содержание добровольной наемной армии в 100 тыс. чел. с ограничениями в военном снаряжении, запрещением изготовления газов, броневиков и танков.

Из всего мощного германского флота оставлены 6 броненосцев, 6 легких крейсеров, 12 контр-миноносцев, 12 миноносцев. Категорически запрещены подводные лодки.

Строжайше запрещена военная и морская авиация.

Версальский договор включает пункт, возлагающий на Германию и ее союзников целиком ответственность за возникновение войны и ее последствия.

«Союзные и ассоциированные правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за все причиненные ими потери и весь ущерб, понесенные правительствами Антанты и присоединившихся к ним государств и их подданными вследствие войны, навязанной им нападением Германии и ее союзников».

Из этого пункта следовало требование о полном возмещении *(репарации)* Германией всех убытков, нанесенных странам Антанты.

Сумма репараций пересматривалась несколько раз: сначала была названа сумма в 269 миллиардов золотых марок, затем в 240, 226 и в 1921 году в 132 миллиарда. В счет этих репараций Германия отдала весь свой торговый флот, четверть рыболовных судов, 20% речного флота.

Версальский договор таким образом низводил Германию до уровня второстепенной державы, фактически находящейся под контролем победителей, экономически обремененной тяжелейшими обязательствами, кабалой на несколько поколений.

Сен-Жерменский договор (договор с Австрией 10 сент. 1919 г.) покончил с Австро-Венгрией. Из нее составились отдельные государства — Австрия, Венгрия, Чехо-Словакия. Отдельные части отошли к Польше, Румынии, Италии и к Югославии (вновь образовавшемуся государству из Сербии плюс Босния, Герцеговина, Кроация, Словакия, Далмация, Штирия и др.).

Сен-Жерменский договор запретил Австрии присоединиться к Германии. Австрия стала маленькой страной с 6-миллионным населением, экономически и политически пленником финансового капитала Антанты, главным образом Франции.

Нейский договор (27 ноября 1919 г.) с Болгарией лишил ее выхода к Эгейскому морю, части Добруджи.

Трианонский договор (4 июня 1920 г.) отнял у Венгрии Трансильванию, Банат и др. с восемью миллионами венгерского населения.

Севрский договор с Турцией. Бывшая Оттоманская империя потеряла Месопотамию, Сирию, Палестину, Аравию, Армению, Восточную Фракию. Проливы передавались под контроль антантовской «комиссии проливов».

Запрещение содержания армии, репарации, финансовый контроль союзнических комиссий, исключительные права для иностранцев (режим капитуляций) — все эти условия Севрского договора стремились превратить Турцию в колониальную страну.

Таким образом война 1914—1918 гг. решила вопрос о том, «какой группе крупнейших государств — английской или германской — получить возможность и право грабежа, удушения, эксплоатации всей земли...» *(Ленин)* — в пользу английской. Версальская система отразила именно этот факт. Созданием Лиги Наций победившая группа империалистических стран пыталась закрепить этот факт, обеспечить его прочность и незыблемость.

Первый конгресс Коммунистического Интернационала еще в марте 1919 года вскрыл в своей характеристике международного положения противоречия того «мира», который победители в это время как раз уготовляли для земного шара.

Заключение мира разоблачает до *конца* настоящий характер войны 1914—1918 гг. как войны грабительской, преступной, империалистической; при *заключении мира* вскрылись *действительные* цели империалистических государств, цели, которые раньше скрывали под флагом всяких красивых слов. Уже Брест-Литовский мир (Германии и Советской России) показал, чего стоят эти красивые слова (в частности, о *самоопределении народов).* Но особенно ярко обнажили себя державы Антанты. «Державы Антанты, оказавшись мировыми победителями, сбросили всякие маски и воочию обнаружили истинное лицо мирового империализма».

Как выглядит капиталистический мир после победы Антанты?

Группе стран-победителей, великим державам (Англия, Америка, Франция, Япония, Италия) противостоит группа стран-побежденных, сломленных войною (Германия, Австро-Венгрия с их бывшими вассалами, т. е. зависимыми от них странами — Болгарией, Турцией). Третью группу составляют государства, зависимые от Антанты (Бельгия, Сербия, Португалия и др.), и вновь образованные государства — Польша, Чехо-Словакия, Латвия, Литва, Эстония, Финляндия. Нейтральных государств, по существу, не осталось, — все, в той или иной степени, зависят от победителей.

Капиталистическому миру противостоит Советская Россия: «Российская социалистическая республика есть государство рабочих и крестьян, стоящее вне капиталистического мира и составляющее огромную социальную угрозу победоносному империализму, угрозу крушения всех плодов победы под натиском мировой революции».

Победители навязывают побежденным мир, в основе которого лежат: *тайная дипломатия, аннексии и контрибуции,* признание необходимости *дальнейших вооружений, раздел спорных областей* (вместо осуществления принципа самоопределения народов), политика *крайнего националистического человеконенавистничества* (немецкие, еврейские погромы), наличие *крайней реакции.*

Глубочайшими противоречиями наполнен этот новый

мировой капиталистический «порядок». Это не только противоречия между победителями и побежденными, противоречия грабителей и ограбленных, источник новых войн. Это противоречие между самими победителями за раздел добычи.

Американский финансовый капитал выступил со своей программой (программа Вильсона), в которой имеются красивые словечки: «свобода морей», «союз народов» и «интернационализация колоний». Что скрывается за ними? За ними скрываются стремления американского империализма уничтожить перевес военный и, в особенности, морской (и, прежде всего, английский) других держав, открыть все морские пути для американской торговли, стремление отнять у Франции и Англии право самостоятельно, по своему усмотрению, распоряжаться мелкими государствами и колониями. Таким образом наметились противоречия между крупнейшими европейскими державами и Японией, с одной стороны, — и США — с другой. Особенно резко наметились противоречия между США и Англией как двумя основными соперниками за мировое господство.

Англия борется против попыток Франции стать единственным распорядителем судеб, гегемоном на европейском континенте. Англия сталкивается с Францией в Малой Азии (вопрос о разделе Турции), в Африке. Италия видит соперника во Франции (на Балканском полуострове, в Тиране, в Средиземном море).

Особенно агрессивно ведет себя Антанта по отношению к Советской России — с первого дня ее создания Антанта не перестает фактически, в разных формах, вести борьбу против страны диктатуры пролетариата. Война против Советской России для нее — постоянная задача.

Из этой характеристики антантовского мира Коминтерн делал вывод: «Империалистские правительства неспособны заключить справедливый и прочный мир; дальнейшее господство финансового капитала повело бы или к полному уничтожению цивилизованного общества, или к неслыханному усилению эксплоатации, порабощения,

политической реакции и политике вооружений, а в конце концов и к новым истребительным войнам».

Версальский мир был заключен. Но до 1923—24 г., по сути дела, шло еще, как увидим дальше, продолжение империалистической войны, закрепление, согласование тех условий, которые были намечены Версальским миром, упорядочение отношений между самими победителями. Это вытекало из всей обстановки, создавшейся ко времени окончания войны. Пролетарская революция в России закрепляла свои позиции, грозила стать из «временного печального недоразумения», каким считали советское государство, постоянной угрозой капиталистическому миру. Пожар мировой революции однако перекинулся и на «цивилизованную» Европу. Пролетарская революция началась в Германии, Австрии, Венгрии. Началось движение среди колониальных народов.

Первый тур войн и революций заканчивается лишь в 1923—24 г., когда, после поражения пролетарской революции в Германии, выявляется временная победа на данном этапе буржуазии в борьбе с пролетарской революцией на Западе, когда империалисты-победители после ряда конфликтов *временно* договариваются между собой о способе эксплоатации мира, когда, после неудачных трех походов против Советской России, империализм на время переходит к другим формам борьбы с Советской Россией, ни на минуту не прекращая подготовки войны против нее.

И империалистическая война 1914 г., в основном закончившаяся в 1918 г., продолжает еще несколько лет реять над миром не только в форме дипломатических драк, но и в форме прямых вооруженных столкновений. Одно перечисление международных событий 1919—1924 гг. показывает, как туго шло «замирение».

1919 г. Польская война с целью завоевания Галиции.
" Инвервенция Чехо-Словакии и Румынии против Советской Венгрии.
" Захват Фиуме итальянскими «волонтерами» под предводительством Д'Аннунцио.
" Война между английскими империалистами и повстанцами в Пенджабе (Индия).

1919 г. Англо-афганская война.
„ Первая греко-турецкая война.
1920 г. Занятие Франкфурта и Дармштадта французскими войсками.
„ Новая антисоветская интервенция в виде похода Врангеля.
1920 г. Захват Киева польскими войсками и Польско-советская война.
„ Захват литовской столицы Вильно польским генералом Желиховским.
„ Польско-германская повстанческая война в Верхней Силезии.
„ Вторая греко-турецкая война.
„ Армяно-турецкая война.
1921 г. Англо-Ирландская война.
1922 г. Третья греко-турецкая война.
1923 — 1924 гг. Занятие Рурской области французскими войсками.

Во всех этих войнах и столкновениях — крупные империалистические державы являются вдохновителями и организаторами.

Война между Грецией и Турцией была в известной мере войной между Англией и Францией в связи с вопросом о разделе бывшей Оттоманской империи (за спиной Греции стояла Англия; Турция вела войну за национальную независимость — в интересах Франции было поражение Греции, так как это наносило удар английским интересам в Малой Азии). Совершенно ясна и очевидна роль империалистов во всех антисоветских выступлениях.

Оккупация Рура Францией в 1923 — 1924 гг. была продолжением войны против Германии, причем уход Франции из Рура под давлением объединившегося для этой цели англо-американского капитала (давление, правда, было произведено не *военной* силой, а чисто *финансовой* — нажимом на французский франк) был ярким проявлением противоречий между самими победителями, глубокой противоречивости всей Версальской системы. Уже очень скоро после заключения мира и подписания

договоров жизнь потребовала пересмотра и дополнений к ним.

Героическая борьба турецкого народа против британского империализма, выдвинувшего своим орудием против Турции — Грецию, благодаря поддержке Советского Союза (с которым Турция заключила в 1921 г. договор на началах полного равноправия) и противоречиям между Англией и Францией, закончилась победой Турции. Лозаннская конференция, заседавшая от 20 ноября 1922 г. до 24 июля 1923 г. вынуждена была фактически отменить Севрский договор. Турция добилась своих довоенных границ в Европе, отмены режима капитуляций, отмены ограничений в вооруженных силах и уплаты репараций. Так было *пересмотрено* одно из основных положений Версальской системы в отношении одной из стран побежденных.

Важным дополнением к Лозаннской конференции была Вашингтонская конференция 1922 г., регулировавшая отношения победителей на Тихом океане и на Дальнем Востоке. Вашингтонская конференция установила прежде всего, какое соотношение сил должно быть в морских вооружениях крупнейших морских держав США, Англии, Японии, Франции и Италии. Была установлена для линейного флота в отношении этих государств пропорция 5 : 5 : 3 : 1,75 : 1,75 (по 525 тыс. тонн для США и Англии, 315 тыс. тонн для Японии и по 175 тыс. тонн для Франции и Италии). На это ограничение державы пошли тем охотнее, что война показала меньшую ценность линкоров в сравнении с подлодками, крейсерами и др. Для крейсеров был установлен предельный тоннаж корабля — 10 тыс. тонн.

Англия впервые в истории вынуждена была признать (хотя бы на словах) право других держав на равный флот. Япония согласилась на норму в 315 тыс. тонн под условием отказа США от укрепления Филиппинских островов и острова Гуама (в зап. части Тихого океана).

На Вашингтонской конференции кроме того договорились: 1) о взаимной гарантии неприкосновенности островных владений на Тихом океане; 2) о признании прин-

ципа «открытых дверей» по отношению к Китаю, т. е. о *равных* правах всех империалистических держав в Китае, и о возвращении Китаю Шандуня с портом Киао-Чао (это было принято главным образом под давлением США, обеспокоенных тем, что за время войны Япония под шумок попыталась превратить Китай в *свою* колонию.) Англия также обязалась вернуть Китаю порт Вей-Ха-Вей.

Угроза пролетарской революции внутри капиталистических стран, укрепление Советской России, революционное движение колониальных народов — все это заставило империалистические державы временно замазать острые противоречия, вспыхнувшие с первого же дня окончания войны, временно сговориться, как говорит тов. Сталин, «насчет установления сферы влияния в Китае, насчет способов его ограбления», временно сговориться насчет взаимного невмешательства в дело ограбления и угнетения «своих» колоний. Бо́льшие разногласия возникли между победителями по вопросу «о способах и размерах ограбления Германии». Франция попыталась оккупацией Рура закрепить свой способ ограбления Германии, который дал бы ей превосходство в Европе и был невыгоден Англии и США. Кроме того, бешеный нажим на Германию еще больше ухудшал ее крайне плохое экономическое положение. Германия стояла перед пролетарской революцией. В опасности был весь европейский капитализм. Это привело к тому, что Америка, Англия и Франция должны были пойти на пересмотр *репарационного* вопроса, т. е. пересмотр способов дальнейшего ограбления Германии. Результатом этого пересмотра был так называемый *план Дауэса* (Дауэс — американский банкир, возглавлявший комитет по вопросу о регулировании репараций). Этот план, не определяя, сколько всего должна уплатить Германия, указывал следующий порядок уплаты репараций: в 1924 — 1925 г. — 1 миллиард золотых марок, в 1925 — 1926 г. — 1 220 млн., в 1926—1927 г. — 1 200 млн., в 1927 — 1928 г. 1 750 млн. золотых марок, а затем ежегодно по $2^1/_2$ миллиарда золотых марок; залогом уплаты являлись: 1) германские железные дороги и промышленные предприятия, которые выпускали облигации

на 16 млрд марок, 2) особые налоги. Но чтобы Германия могла платить, надо было укрепить (сделать устойчивой, стабилизовать) германскую марку, которая к этому времени в результате инфляции потеряла почти всякую ценность. Для этой цели Германии был предоставлен заем в 800 млн золотых марок.

План Дауэса был уж другой формой ограбления Германии, хотя и попрежнему очень тяжелой, но он в то же время высвобождал ее из одностороннего давления Франции, включая в субъекты воздействия главным образом англо-американский капитал и давая ей возможность бо́льшего хозяйственного и политического маневрирования.

Вслед за планом Дауэса (1924 г.) последовали в 1925 г. так называемые *Локарнские соглашения,* при помощи которых, опять-таки под давлением Англии и США, в противовес Франции правительства пытались сделать дальнейший шаг по пути «нормализации» политических отношений с Германией. Локарнские соглашения — их было всего 8 (между различными странами) сводились к тому, что они устанавливали в отношениях между Германией и ее соседями принципы обязательного арбитража, т. е. обращения в случае конфликтов в Лигу Наций.

Франция добивалась того, чтобы Англия гарантировала ей не только западные границы (границы Франции и Бельгии с Германией), но и восточные границы вассалов Франции (Чехо-Словакии и Польши с Германией). Англия согласилась лишь на гарантии западных границ.

Локарнские соглашения, за которыми последовало в 1926 г. вступление Германии в Лигу Наций, были попыткой консолидировать единый фронт империалистических держав, на основе ослабления роли Франции и усиления роли Англии и США — против основного врага всех империалистических держав, против Советского Союза, который к этому времени прочно стал на ноги, успешно восстанавливал свое хозяйство и на основах новой экономической политики подготовлял условия для реконструкции народного хозяйства на социалистических началах. Советский Союз к этому времени окреп настолько,

что стал уже мощным политическим фактором в международных отношениях. Последовательной политикой мира и твердости *защиты* своей самостоятельности на основе роста народного хозяйства, мощи Красной армии, привязанности народов СССР и трудящихся всего мира к Советскому Союзу — СССР добился установления более или менее нормальных дипломатических отношений с рядом крупнейших капиталистических стран. Стали развиваться и экономические связи к выгоде обеих сторон.

Рапальский договор (1922 г.) Советской России с Германией, основанный на принципе полного равноправия и отказа от репараций, показывал возрастающую политическую роль Советской России как борца за мир и принцип равноправия в международных отношениях. Рапальский договор, вызвавший бешенство империалистических держав, укрепил позиции СССР, в то же время оказал немало помощи и Германии в ее борьбе за равноправие. В Локарно была сделана попытка, включив Германию в Лигу Наций, вместе с тем включить ее во вновь организуемый (под руководством Англии) единый фронт против Советского Союза. Согласно статье 16-й устава Лиги Наций, каждое государство, если оно состоит членом Лиги Наций, обязуется пропускать через свою территорию военно-карательные отряды, посылаемые по распоряжению Лиги Наций для наведения порядка. От Германии требовалось признание полностью этой статьи устава, имея в виду ее роль в будущей войне с Советским Союзом. Германия, ссылаясь на свою безоружность, отказывалась от этих обязательств. В конце концов статья 16-я была разъяснена так, что обязательства, ею налагаемые, должны быть согласованы с особыми условиями (военными и географическими) данной страны. Антисоветское острие локарнских соглашений совершенно ясно.

Таким образом, подавив, при прямом содействии социал-демократии, которая к 1923 г. вновь объединилась в единый соглашательский 2 Интернационал, пролетарскую революцию в Западной Европе (в Германии, Австрии, Венгрии и др.), империалисты сумели, стабилизовав временно внутренне-политические отношения, стаби-

лизовать на время и международные отношения. Восстановились международные торговые и кредитные связи, причем немалую роль сыграл прилив американского капитала в Европу, восстановлены были разрушенные области, поправилось сельское хозяйство. Наступила с 1924—25 г. временная стабилизация капитализма.

Буржуазные ученые, журналисты, а пуще всего и больше всего социал-демократические лакеи буржуазии стали распевать хвалебные песни живучести капитализма. Заговорили о новой эпохе — эпохе «организованного» капитализма, демократизма и пацифизма, о Лиге Наций как залоге всеобщего мира, о разоружении и т. п. приятных вещах. Одновременно развивалась бешеная агитация (руководимая и социал-демократами) против Советского Союза, который, якобы, является главной угрозой для мира; Советский Союз, мол, потерявши надежду на мировую революцию и не будучи в силах справиться с капитализмом у себя (троцкисты со своей контрреволюционной теорией отрицания возможности построения социализма в нашей стране подкрепляли наших врагов аргументами), рассчитывает якобы на войну, из которой и вырастет желанная революция.

Между тем, самая стабилизация была весьма относительной. Достаточно указать, что за годы 1925—1928 мы имеем такие события, как великая китайская революция 1925 г., всеобщая стачка в Англии в 1926 г., венское восстание в 1927 г.; не прекращались и войны: в 1925 г. — греко-болгарская, в том же году — интервенция империалистических держав в Китае, бомбардировка Вансяна; в 1926 г. война Франции в Марокко в Сирии, война между Неджедом и Геджасом в Аравии; в 1927 г. международная империалистическая интервенция в Шанхае, бомбардировка Нанкина; в 1928 г. междоусобная война в Афганистане (дело рук агентов английского империализма), интервенция США в Никарагуа, война между Боливией и Парагваем в Южной Америке (за их спиной стояли Англия и США).

Из самой стабилизации, из роста продукции, при неравномерном развитии отдельных стран, при суженных рын-

ках вследствие низкой покупательной способности масс, обнищания колониальных народов, появления новых конкурентов, следовало обострение конкурентной борьбы, условия, подготовляющие расшатывание стабилизации, а затем и конец ее.

Тов. Сталин, говоря в 1925 г. о двух стабилизациях, явно намечавшихся к этому времени, — стабилизации капиталистического мира и стабилизации Советского строя, подчеркнул *разницу* между этими двумя стабилизациями.

«Какая разница между двумя стабилизациями? Куда ведет одна и другая стабилизация?

Стабилизация в условиях капитализма усиливает временно капитал, обязательно ведет вместе с тем к обострению противоречий капитализма: а) между империалистическими группами разных стран, б) между рабочими и капиталистами каждой страны, в) между империалистами и колониальными народами всех стран.

Стабилизация же в условиях советского строя, усиливая социализм, обязательно ведет вместе с тем к смягчению противоречий и к улучшению взаимоотношений: а) между пролетариатом и крестьянством нашей страны; б) между пролетариатом и колониальными народами угнетенных стран; в) между диктатурой пролетариата и рабочими всех стран. Такова разница между двумя стабилизациями. Вот почему стабилизация капитализма не может быть ни длительной, ни прочной».

Дальнейшее развитие событий полностью подтвердило эти положения т. Сталина.

Полностью подтвердились перспективы укрепления и развития Советского Союза, намеченные т. Сталиным. В настоящее время даже буржуазный мир вынужден признать победу первой пятилетки и полную реальность выполнения второй, завершающей построение социализма в нашей стране. Победа колхозного строя вызывает особое изумление, смешанное с горечью и ненавистью, трезвых буржуазных политиков, вынужденных считаться с фактами — антисоветские «деятели» всех видов и мастей строили свои надежды на разрыве, на размычке между рабочим классом и крестьянством. (Троцкисты и в этом

вопросе снабжали их «доводами»). Расцвет нашей промышленности, успехи коллективного земледелия, мощный расцвет в нашей стране науки, литературы, искусства, рост культурности масс, успехи народного просвещения, рост массового героизма, вытекающего из глубочайшей привязанности масс к советскому строю и нашедшего свое ярчайшее выражение в эпопее челюскинцев и их спасении, наглядный рост обороноспособности СССР,— все это факты, которых нельзя отвергнуть, с которыми приходится считаться.

Таковы итоги (в дальнейшем есть все основания ждать еще бóльшего) того пути выхода из империалистической войны, который под руководством партии большевиков проделали рабочий класс и трудящиеся массы бывшей царской России. Это был путь пролетарской революции. Он привел к выходу из империалистической войны, к победе в гражданской войне и против интервенции, к выходу из разрухи, созданной войной, на путь прочной, устойчивой *стабилизации* советского строя, к победе социализма.

Иначе сложилось дело в мире, оставшемся под властью капиталистов. Империалистическая война закончилась империалистическим Версальским миром. Только вследствие слабости компартий на Западе и предательства социал-демократии, предательства национальной буржуазии на Востоке — империалистам удалось сохранить капиталистический строй в целом. С большим трудом капиталистическому миру, вступившему в полосу своего общего кризиса, удалось наладить кое-какую стабилизацию капиталистических отношений внутри отдельных стран и в международных отношениях. Но эта стабилизация стала увядать, не успевши расцвесть. В 1929 г. наступил очередной экономический кризис, который в условиях общего кризиса капитализма, в условиях стабилизации советской системы, расшатавшегося могущества империализма в колониях, обнищания масс, принял небывалый размах по силе, глубине, охватив все без исключения империалистические и колониальные страны. Этот кризис потряс капиталистический мир до основания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Небывалый в истории капитализма по глубине, продолжительности и охвату экономический кризис, начавшийся в 1929 г., положил конец относительной стабилизации капитализма, обострил внутренние и международные противоречия до таких пределов, что мир стоит в наши дни — это совершенно очевидно для всех — перед новым туром революций и войн. Мировой кризис с необычайной силой раскрыл все противоречия, созданные Версальским переделом мира, и поставил капиталистические страны перед насущной задачей нового передела мира, т. е. перед новой войной, а мир трудящихся, мир рабочего класса и трудового крестьянства — перед насущной задачей предупреждения новой мировой войны на путях революции.

Тов. Сталин на XVII съезде партии дал блестящую характеристику мирового экономического кризиса, его развития и его влияния на политическое положение мира. Тов. Сталин указал на ряд особенностей мирового экономического кризиса. Это — во-первых: «а) необычная продолжительность и затяжность, объясняемая его огромным охватом («все без исключения капиталистические страны, переплетение промышленного кризиса с аграрным, все отрасли сельского хозяйства»), влияние монопольных объединений, старающихся сохранить высокие цены на товары и — главное то, «что промышленный кризис разыгрался в условиях *общего* кризиса капитализма, когда капитализм не имеет уже и не может иметь ни в основных государствах, ни в колониях и зависимых странах той силы и прочности, какие он имел до войны и

Октябрьской революции, когда промышленность капиталистических стран получила в наследство от империалистической войны хроническую недогрузку предприятий и миллионные армии безработных, от которых она не в силах больше освободиться» (*Сталин*).

Современный кризис, кроме того, «захватил также и всю кредитную систему, валюту, сферу долговых обязательств и т. д.», что выражается в обесценении валют, массовых банкротствах.

Продукция промышленности главных капиталистических стран к концу 1933 г. в сравнении с уровнем 1929 г. сократилась на 25 %. Таков итог четырехлетия 1929—1933 гг. для капиталистического мира, для капиталистической системы. Другой итог за это время дала другая система — *социалистическая:* промышленность СССР за это время *выросла* больше чем на 100%.

Правда, уровень наибольшего упадка капиталистической промышленности был достигнут летом 1932 г. . . . Это была самая низкая точка. Затем начался некоторый подъем выше этой точки наибольшего упадка, некоторый подъем в отдельных отраслях промышленности. Причина этого явления отчасти военно-инфляционная конъюнктура (оживление за счет военных отраслей промышленности и выпуска огромного количества бумажных денег), но главное — это то, подчеркивает тов. Сталин, что «капитализму удалось несколько облегчить положение промышленности «*за счет рабочих* — путем углубления их эксплоатации через усиление интенсивности их труда, *за счет фермеров* — путем проведения политики наиболее низких цен на продукты их труда, *за счет крестьян колоний и экономически слабых стран* — путем еще большего снижения цен на продукты их труда, главным образом на сырье и затем на продовольствие».

Но, указывая на эти новые явления в развитии мирового экономического кризиса, тов. Сталин подчеркнул, что здесь дело не идет о переходе к *обычной* депрессии, т. е. к такому этапу в развитии обычного капиталистического кризиса, когда после самой острой точки кризиса начинается медленный, но затем постепенно ускоряю-

щийся переход к новому подъему и расцвету промышленности (так бывало при довоенных экономических кризисах, свойственных капитализму даже в пору его расцвета).

Тов. Сталин указал, что в настоящее время нет и не может быть, по крайней мере в ближайшее время, таких данных, которые говорили бы о наступающем *подъеме* в капиталистических странах. И это потому, что экономический кризис протекает в обстановке общего кризиса капитализма. Поэтому речь может итти лишь о *депрессии особого рода*, депрессии, «которая не ведет к новому подъему и расцвету промышленности, но не возвращает ее к точке наибольшего упадка».

И в самом деле, те факты, которые мы наблюдаем в ходе экономического кризиса капиталистических стран со времени XVII съезда партии, полностью подтверждают своеобразие этой депрессии. 1-й квартал 1934 г. показывает неравномерное развитие депрессии; так в Великобритании и Канаде имеются некоторые признаки оживления, зато в других странах, как Франция, Чехо-Словакия и др., — новое углубление кризиса. Аграрный кризис продолжает обостряться. В Англии промышленное производство на 8% ниже уровня 1929 г., в других странах оно ниже этого уровня на 20 — 40%.

Самым важным признаком оживления обычно являются новые капиталовложения. Этого-то (за исключением Англии) и нет.

В США эмиссия новых капиталов в среднем в месяц 1933 г. составляла 50 млн долларов против 849 млн в 1929 г., в Германии — 7,3 млн против 80 млн, во Франции — 300 млн против 1823 млн в 1930 г.

Оптовые цены находятся на самом низком уровне. По-прежнему наблюдается глубокий разрыв «между огромными массами ссудного капитала, не находящего себе применения, и почти полной приостановкой его использования в промышленных и производительных целях».

Нет смягчения аграрного кризиса, не приостановился упадок внешней торговли. И тем более не улучшилось положение рабочего класса. «Повышение промышленного

производства не сопровождается ростом количества занятых рабочих, и еще меньше суммой выплаченной заработной платы. Переход к депрессии не ослабил империалистических противоречий, опасности войн и интервенций. Вооружения идут бешеным темпом. Переход к депрессии не только не задержал созревания революционного кризиса, а наоборот — ускорил его» *(Варга).*

Капиталисты каждой страны в поисках выхода из кризиса прежде всего повели наступление на рабочий класс; понижением зарплаты, повышением рабочего дня, усиленной интенсификацией труда они снижают себестоимость товаров, чтобы усилить свою конкурентоспособность на крайне суженном мировом рынке. Демпинг (продажа товаров ниже себестоимости за границей при повышении цен у себя в стране) неизменно и неизбежно связан с крайней эксплоатацией рабочих масс. Японский — например — демпинг (Япония забрасывает мировой рынок крайне дешевыми товарами, например велосипед продается за 7 руб. золотом и т. п.) возможен лишь на основе крайне низкого жизненного уровня японского рабочего.

Колоссальное понижение цен на продукты сельскохозяйственного труда при значительно меньшем падении цен на продукты монополизированной промышленности означает усиленную эксплоатацию крестьянских масс.

Другим оружием конкурентной борьбы является инфляция — выпуск огромного количества бумажных денег, понижение ценности валюты, что дает на мировом рынке временное преимущество, так как удешевляет товары стран с пониженной валютной ценностью. Инфляция в то же время является скрытой формой снижения зарплаты, так как прибавка в бумажках никогда не восполняет роста дороговизны в связи с падением ценности денег.

Капиталисты стараются сохранить свою прибыль за счет широких масс рабочих, крестьян. Кризис привел к исключительно огромной безработице, охватывающей вместе с семьями до 100 млн человек. Миллионы людей годами лишены работы, живут (если только это можно

назвать жизнью) на скудное пособие или на средства частной благотворительности. Положение тех, которые имеют «счастье» работать, также крайне неустойчиво, каждый чувствует себя кандидатом в безработные. Малейшее неповиновение, подозрение в политической неблагонадежности, в приверженности и симпатии к коммунизму вызывает немедленный расчет. В силу особого характера депрессии в условиях всеобщего кризиса капитализма все эти обострившиеся во время кризиса противоречия — не сняты и не смягчены. По-прежнему предельно остра конкурентная борьба за рынки сбыта, за сферы влияния и приложения капитала, попрежнему винт эксплоатации завинчивается все туже и туже, невыносимо положение пролетариата. Тяжело и неустойчиво положение широких масс крестьянства, городских ремесленников, мелких лавочников, интеллигенции. Растет возмущение масс. В этих условиях капиталисты уже больше не в состоянии осуществлять свою диктатуру старыми методами «демократии». В обстановке общего кризиса капитализма, в обстановке угрозы пролетарской революции, роста возмущения масс, в обстановке необходимости подготовки новых войн для нового передела мира при резко враждебном отношении масс к новой войне — наиболее реакционные круги финансового капитала, а их влияние все усиливается, начинают прибегать к новым формам и методам господства — к *фашизму*.

XIII пленум ИККИ дает следующее определение фашизма: «Фашизм есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала. Фашизм пытается обеспечить за монополистическим капиталом массовый базис среди мелкой буржуазии, аппелируя к выбитому из колеи крестьянству, ремесленникам, служащим, чиновникам и в частности к деклассированным элементам крупных городов, стремясь проникнуть также в рабочий класс».

Фашизация буржуазного государства есть характерное явление периода общего кризиса капитализма. В той или другой форме процесс фашизации захватил все ка-

питалистические страны. Чем обостреннее экономическое и политическое положение данной страны, чем больше угроза революции, чем слабее в этих условиях чувствует себя буржуазия, тем дальше и глубже заходит процесс фашизации, тем все более открытые формы он принимает.

Впервые открытую форму приняла фашизация в Италии — еще в тот период, когда капиталистический мир переходил от революционного кризиса 1918—1923 гг. к стабилизации; за ней последовала в 1925 г. Польша. Германская буржуазия, несмотря на острое положение ее в 1918—1923 гг., не прибегла к фашизму (движение фактически уже было создано, но оно было маловлиятельно и его держали еще, так сказать, в черном теле), так как здесь роль проводника террористических мероприятий против революционных элементов, проводника медленной фашизации, менее опасной, взяла на себя *германская социал-демократия*, имевшая еще большое влияние на рабочие массы. Когда массы пролетариата все очевиднее стали поворачиваться от с.-д. к коммунистам, когда война стала задачей ближайших дней для германской буржуазии, она сочла наиболее удобным призвать, при фактическом содействии социал-демократии, к власти фашизм. Обострение внутренних и внешних противоречий под влиянием мирового экономического кризиса усилило процесс фашизации и в таких странах, где буржуазная демократия и парламентаризм имели до сих пор наиболее крепкие корни, где буржуазия умело лавировала, не прибегая к особо резким нарушениям обычных форм управления, опять-таки используя в качестве главной своей опоры социал-демократию. Речь идет о таких странах как *Франция и Англия*. И здесь фашисты, которых до недавнего времени еще совсем не слышно было, подняли голову (6 февраля 1934 г. фашисты штурмовали парламент в Париже), обнаглели, поддерживаемые определенными группами буржуазии, государственным аппаратом и — фактически — социал-демократами.

Фашизм особенно старается использовать недовольство широких масс мелкой буржуазии, интеллигенции, разоча-

рованных в капитализме, но боящихся коммунизма, разочарованных в буржуазной демократии и временно попадающихся на удочку фашистской демагогии, которая обещает им удовлетворение их нужд, обещает борьбу с крупным капиталом, растравляет националистические чувства — французские фашисты против немцев, германские — против всех других наций.

Фашистская демагогия неизбежно разоблачается повседневной практикой их вождей, направленной на укрепление финансового капитала. События 30 июня в Германии отразили процесс брожения среди штурмовиков, их надежды на «вторую революцию» после того, как они убедились, что приход фашизма к власти не разрешил ни одной из острейших социальных задач, во имя разрешения которых массы мелкой буржуазии поддержали фашизм.

Но буржуазии не удается вообще загнать целиком недовольство широчайших масс в русло фашизма.

Мировой экономический кризис, обострив до крайности бедствия широчайших масс пролетариата и крестьянства, обострив особенно положение масс в колониальных и зависимых странах, создал условия для назревания революционного кризиса во всем мире. Революция в Испании, успехи Советского Китая, движение в Индии, восстание в английском и голландском флоте, рост стачечной борьбы во всем мире, рост влияния коммунистических партий во всех странах, бои французских и английских рабочих с фашистами, героическая борьба германских рабочих против гитлеровского террора, героическое вооруженное восстание в Австрии, крестьянские восстания в Польше, героическая борьба рабочих Амстердама, всеобщая стачка в Сан-Франциско — тысячи мелких и крупных фактов, о которых ежедневно сообщают нам газеты, — свидетельствуют о назревании революционного кризиса во всем капиталистическом мире. Это назревание идет неравномерно, но оно идет все усиливающимся темпом. «Идея штурма все более зреет в массах», говорил т. Сталин на XVII съезде. Эта идея зреет все сильнее и быстрее, ибо это вопрос жизни или смерти миллионов, ибо это вопрос

о том, возникнет ли новая империалистическая война, на путях которой *капитализм* ищет выхода из кризиса, или же бедствия сегодняшнего дня и ужасы грядущей войны будут ликвидированы и предупреждены на *путях революции,* пролетарской, большевистской революции.

Уже XII пленум ИККИ (1932 г.) установил *конец капиталистической стабилизации.* Это было очевидно, ибо к этому времени совершенно ясно выявилось, что все признаки стабилизации исчезли. В области *экономической* мировой кризис привел к величайшим разрушениям: резкое падение промышленной продукции, крах валют (даже таких, как английский фунт и американский доллар), массовые банкротства предприятий и целых государств, начало распада кредитных связей; в *области социально-политической* — вместо спада революционной волны — новый резкий подъем ее; *в области международных* отношений — временный сговор о способах ограбления Германии, Китая, о разделе сфер влияния выдохся.

Версальская система стала трещать по всем швам. Вопрос о новом переделе мира, о *войне* стал вопросом дня. Конференция по разоружению стала ареной выявления всех основных противоречий *между* капиталистическими странами и их *всех* — против Советского Союза.

Захват Японией Манчжурии, нападение на Шанхай и дальнейшее ее продвижение в Китай, постановка фашистской Германией (после прихода к власти Гитлера) вопроса о Версальском мире в целом — вызвали наружу все международные противоречия, вызвали новую обстановку, которая к нашим дням уже характеризуется как обстановка на пороге новой войны, на пороге величайших революционных боев.

Наиболее *рвущимися* на данном этапе к войне государствами являются Япония и Германия.

Япония стремится совершенно открыто к гегемонии на Дальнем Востоке и во всей Азии. Японские политические деятели, военные и гражданские, открыто говорят о своих далеко идущих империалистических целях. Япония обосновывает свои — «священной» миссией борьбы за порядок в Азии, борьбы с китайской революцией, борьбы с

большевизмом. Араки недавно заявил, что Япония имеет священную задачу «освободить русский народ» — и она это сделает. Цинизм, откровенность японских империалистов совершенно исключительны. На страницах японской газеты «Нихон» недавно писались такие строки: «Мы всегда были против тех, кто предлагал мир Красной России. Красную Россию нужно убить, нужно выкорчевать коммунизм из истории человечества. А если проявлять терпение и не убить Красную Россию сейчас, то это лишь увеличит осложнения на Дальнем Востоке».

И к этому «священному» делу Япония лихорадочно готовится. Каждый день приносит нам сведения о росте японской военной подготовки. В частности, огромный рост дает японская авиация (сухопутная и морская). В 1914 г. в Японии было 40 самолетов, в 1918 г. — 250, в 1930 г. — 700, в 1933 — 1550, к началу 1934 г. — 2050. За последние 5 лет японская авиация стала почти в ряду с авиацией других крупных стран. Создание такой авиации означает подготовку к большой войне. Военный бюджет Японии растет неудержимо: в нынешнем бюджете Японии он составляет 43%. На 1935 — 1936 г. военный министр Хаяси требует ассигнования 600 млн иен, а морской министр Осуми — 700 млн иен. Некоторые круги буржуазии выражают опасение, что принятие такого военного бюджета, носящего характер бюджета военного времени, может оказать на экономическую жизнь страны «ошеломляющее влияние». Но ничто, видимо, не останавливает зарвавшихся империалистов, «севших верхом на тигра».

Фашистская Германия играет на этом же антибольшевистском козыре — она предлагает отменить Версаль и заменить его новым Брестом, т. е. разрешить все счеты между капиталистическими странами за счет Советского Союза.

Антисоветские планы германских империалистов за последнее время устами гитлеровцев открыто высказывались неоднократно (что не мешало главному антисоветскому теоретику Розенбергу, когда это требовалось, самым наглым образом отрицать наличие таких планов).

Видный фашист доктор Меллер недавно писал: «Задача ближайшего времени — создать континентально-европейскую крупную хозяйственную территорию. Задача Германии заключается в том, чтобы юго-восточные территории Европы соединить с северными и с районами северного и Балтийского морей. Этот круг в один прекрасный день должен замкнуть в себе и Россию».

Яснее ясного.

Об антисоветских планах Германии пишет берлинский корреспондент японской газеты «Ници-Ници»: «Поход на Восток национал-социалистов является одним из важнейших пунктов откровенной программы гитлеровцев, стремящихся к образованию пан-германской империи. Во главе восточного похода стоит Розенберг, внешняя политика которого основывается на лозунге «долой большевиков!» Розенберг не ограничивается планом присоединения Украины к Германскому государству, но домогается фашизации прибалтийских стран.

Последние дни, особенно после событий 30 июня, сильнейшим образом подорвавших авторитет фашистской власти, военная пропаганда приняла особенно настойчивый характер — в качестве отвлечения от неприятных внутренних дел. По сообщению английской либеральной газеты «Манчестер Гардиан», хорошо осведомленной в германских делах, «в Силезии штурмовики информированы, что предстоит война с Францией — они скоро будут переброшены в Рейнскую область». «На проводившихся недавно инструкторских курсах в Алексиусшуле штурмовикам внушали, что война с Францией неизбежна — и Германия сможет после этого расправиться с Чехословакией, Австрией и Польшей; что все народы немецкого языка должны быть объединены в Великую Германию, которая приобретет себе колониальную империю».

О том, что Германия вопреки статьям Версальского договора вооружается во всю, — особенно после прихода к власти Гитлера — знает весь мир. Германская промышленность, сельское хозяйство — все, по сути дела, милитаризовано, направлено на подготовку к войне. Военные заводы работают самым интенсивным образом. Недавно

на заводе «Рейнметалл» в Дюссельдорфе и Земмерне, была закончена конструкция орудия, «которое в отношении размера, калибра и разрывной силы снаряда называют чудом вооружительной техники. Химические заводы (Фарбен и др.) производят свыше тысячи различных родов ядовитых газов. По сведениям одного корреспондента английской черносотенной газеты Пемброка Стефенса, рассказавшего больше, чем хотелось его фашистским друзьям, в Германии имеются также подземные аэродромы и воздушный флот (правда, в разобранном виде — различные части машин в разных местах), подземные форты на франко-германской границе и в Восточной Пруссии. «Авиационные кадры вербуются из 300 000 членов воздушного оборонительного корпуса, числящегося частной организацией».

Лорд Ллойд, скрывшийся под другим именем, но сразу разоблаченный, вскрыл намерения крайних империалистических кругов Англии, заявляя в одной статье: «...Мы предоставляем Японии свободу действия против России... Мы даем Германии право вооружаться, заключаем с Францией союз, который сделает в результате франко-британского сотрудничества невозможной экспансию Германии на запад, но, с другой стороны, открываем Германии путь на Восток, давая ей возможность экспансии. Таким образом, мы отвлекаем в сторону Японию и Германию и удержим под ударом Россию».

Таким образом известные круги стремятся сформировать антисоветский блок. Но он в то же время содержит в себе и острие антифранцузское, поскольку поддерживает вооружение Германии, пересмотр всей Версальской системы, что не может не нарушить коренные интересы Франции, и острие антиамериканское, поскольку закрепляет позиции Японии в Китае, вопреки интересам США. Само собой разумеется, что и в этом наметившемся блоке имеются свои противоречия — Англия, поддерживая Германию и Японию, рассчитывает отвлечь их от борьбы с ней самой. Япония забрасывает английские рынки дешевыми товарами, японцы пытаются подрезать значение английского Сингапура, укрепляясь в Сиаме и т. д.

Кое-кто в Англии задумывается над опасностью лихорадочных вооружений Германии для самой Англии. Отсюда сдвиги в последнее время в английской политике, сдвиги в пользу той системы гарантийных пактов безопасности, которые предложил СССР.

С другой стороны, воинственный задор, с которым выступила фашистская Германия, ее открытое стремление захватить Австрию, создав опору для движения на Восток и Юго-Восток Европы — в придунайские страны, ее заявление в самом начале о намерении ликвидации польского коридора — направлены прежде всего против Франции, а за ней и Польши, и Италии. Отсюда стремление, в частности Франции, после ухода Германии и Японии из Лиги Наций поднять значение Лиги Наций как орудия торможения войны на данном этапе.

Лига Наций, созданная Версальским миром как орган победителей, долженствовавший сохранять Версальскую систему, «организовать» капиталистический мир в единый фронт против СССР, *не сумела добиться ни одной из этих целей*. Германия ушла из Лиги Наций, Германия открыто вооружается вопреки постановлениям Версальского мира, не платит репараций ни по плану Дауэса, ни по плану Юнга, и Лига Наций не сумела этому помешать. Япония ушла из Лиги Наций, Япония захватила Манчжурию, Япония плюет на всякие договоры и пакты — Лига Наций не сумела этому помешать.

Но события последнего времени в известной степени изменили роль Лиги Наций. Тов. Сталин сказал американскому журналисту Дюранти: «Несмотря на уход Германии и Японии из Лиги Наций — или, может быть, именно поэтому,—Лига может стать некоторым тормозом для того, чтобы задержать возникновение военных действий или помешать им. Страны, не желающие в данный момент войны, противостоящие угрозе войны со стороны Японии и Германии, заинтересованные пока в мире, не могут не считаться с таким могущественным фактором мира, как Советский Союз. Советский Союз ведет последовательную политику мира, он поддерживает в международной политике все, что может способствовать сохранению мира».

Всем известна та огромная работа, которую в течение нескольких лет проводит советская делегация во главе с тов. Литвиновым на Женевской конференции по разоружению. Вопреки явному саботажу наиболее шовинистических агрессивных кругов, нашей делегации удалось провести советское определение агрессора — нападающей стороны, разоблачив и выявив при этом тех, кто в действительности наиболее рьяно и непосредственно питает агрессивные намерения.

На последней сессии Женевской конференции, где отсутствие подлинного желания капиталистических стран вступить на путь разоружения было вскрыто с полной очевидностью, тов. Литвинов внес предложение о превращении конференции в постоянно действующую конференцию мира. И это встретило сопротивление.

Но настойчивая, последовательная политика мира СССР в условиях разнузданной подготовки войны Германией и Японией, всеобщего лихорадочного вооружения, дала ряд результатов, несомненно действующих в сторону отсрочки надвигающейся войны. Пакты о ненападении уже заключены СССР с рядом стран. Но особенно важно то обстоятельство, что в результате лондонских переговоров Барту (Франция) проект восточно-европейского пакта, исходящий в основном из идей, развитых советскими представителями, в основном одобрен и Англией, и Италией, что означает несомненно большую победу идеи мира и безопасности, той идеи, за которую все время боролся СССР.

Согласно этому проекту, к пакту могут присоединиться все желающие страны (в том числе и Германия). Все присоединяющиеся к пакту государства дают гарантию сохранения существующих границ друг друга. Советское правительство выразило согласие на включение в Франко-Советский пакт о взаимной гарантии безопасности и Германии. Таким образом Советское правительство гарантировало бы западные границы Германии и восточные границы Франции. Французское правительство гарантировало бы германские восточные и советские западные границы, а Германия гарантировала бы советские западные и французские восточные границы.

Что проект восточно-европейского пакта попал не в бровь, а прямо в глаз воинствующим странам, — показывает то недовольство, которое удачный исход лондонских переговоров вызвал в Германии и Японии. Аналогичная позиция и в некоторых других странах, как например Польше, Финляндии, ясно показывает, что и в этих странах аггрессивные, воинствующие элементы играют первенствующую роль.

Выявившаяся в последнее время твердая позиция Франции в деле сближения с СССР на почве сохранения международного мира и события 30 июня в Германии, вскрывшие гнилость фашистского режима и его опасность для всего мира, горячая поддержка широчайшими массами мирной политики СССР — определили собою сдвиги в позиции английской дипломатии в направлении поддержки мирных проектов. Английская дипломатия поняла, говоря словами Саймона, английского министра иностранных дел, что в лице СССР приходится иметь дело «с огромным могущественным государством с 160 миллионами населения, которому неизбежно суждено оказывать глубокое влияние на историю и развитие мира».

Одержала огромную победу советская внешняя политика, которую тов. Сталин так характеризовал: «Если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний... Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдет у нас поддержку».

Но все усилия Советского Союза в борьбе за мир могут окончиться безуспешно перед лицом рвущихся к войне сил. Военная опасность угрожает прежде всего нам, Советскому Союзу. Крепить нашу обороноспособность — наш первый долг в *борьбе за мир*. Крепить нашу обороноспособность — это значит в нашей повседневной работе как следует, по большевистски, выполнять наш план второй пятилетки, ибо, укрепляя нашу хозяйственную мощь, строя социализм, мы вместе с тем укрепляем наши границы силой нашей техники, нашей воли к обороне социалистической родины. Наша Красная Армия — есть

армия *обороны* социалистической родины, обороны, так как нам чужды захватнические цели.

Крепить нашу оборону, бороться за мир — значит повысить бдительность гражданина Советского Союза, зорко следя за малейшим проявлением враждебности или попытки измены по отношению к нашей родине.

Война может вспыхнуть в любую минуту. Сейчас вряд ли возможно предварительное объявление войны. Сейчас «вползают» в войну, как «вползла» войной в Китай Япония.

Ленин указывал, учитывая опыт войны 1914—1918 гг., как велика тайна рождения войн, требовал постоянного предупреждения масс о военной опасности, требовал, чтобы революционные партии заранее были готовы к нелегальной работе на случай начала войны. Новую мировую войну, которую может *предотвратить* только пролетарская революция (мирная политика Советского Союза может лишь отсрочить ее), международный пролетариат должен под руководством компартий возможно скорее превратить в гражданскую против капиталистического строя в целом.

Укрепление и рост коммунистических партий — в условиях кризиса 2-го Интернационала, когда широкие массы с.-д. рабочих, под влиянием наглядных политических уроков последнего времени, всё больше стремятся к единому фронту под знаком революционной борьбы против войны и фашизма, создают благоприятные условия для завоевания большинства рабочего класса. Грядущие события мировой пролетариат должен встретить не расколотым, дезориентированным и преданным, как это было в 1914 г., а единым, организованным под руководством Коминтерна. И то, что в 1917 г. стало фактом лишь для $1/6$ части земного шара — победа пролетариата, — станет теперь фактом для всего мира, положив навсегда конец классовому обществу с его неизбежным порождением — войной.

СОДЕРЖАНИЕ

Ответств. редактор *Е. Качуринер.*
Технич. редактор *А. Равинская.*

Сдано в набор 20/VII 1934 г. Подпсано к печати 24/VII 1934 г.
СОЦЭКГИЗ № 1068. Индекс — С-21. Объем — 5,6 авт. л.
$3^{1}/_{8}$ печ. л. $1^{9}/_{16}$ бум. л. Тип. знаков в бум. л. 70.848.
Форм. бум. 72 × 105/32. Ленгорлит № 15536 Заказ № 1987.
Тираж 7000. Книга отпечатана на бум. Окуловск. бум. ф-ки.

2-я типография „Печатный Двор“ треста „Полиграфкнига“.
Ленинград. Гатчинская, 26.

Цена 80 коп.